

Наталья Александрова

Тайна Голубиной книги

Роковой артефакт

Наталья Александрова
Тайна Голубиной книги

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Тайна Голубиной книги / Н. Н. Александрова — «АСТ»,
2018 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-106712-0

Три тысячи лет назад в Иерусалиме спустились с небес три птицы говорящие, три птицы с лицами человеческими и принесли книгу несказанную, небывалую, на сорок замков запертую, на сорок печатей запечатанную... И было в той книге написано все, что случилось на земле от самого начала времен, и все, что будет до их скончания. Кто владеет той книгой, тот знает все тайны, кто прочтет ту книгу, тот получит власть небывалую... Православные священники спрятали редкую реликвию в тайном месте, чтобы она не попала в руки слуг Антихриста. Но спустя пять веков книга вновь оказалась в опасности. Удастся ли противостоять силам зла?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106712-0

© Александрова Н. Н., 2018
© АСТ, 2018

Наталья Александрова

Тайна Голубиной книги

© Н. Александрова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

– В этом зале вы видите императрицу Екатерину Великую и ее приближенных – графа Григория Орлова, князя Потемкина-Таврического, выдающегося полководца Александра Васильевича Суворова...

Императрица, пышная немолодая дама в открытом платье, восседала в глубоком кресле, высокомерно глядя на посетителей музея. Казалось, она хотела спросить, как они посмели нарушить ее царственный покой. Орлов и Потемкин ревниво переглядывались, Потемкин поправлял шелковую повязку на глазу. Худенький, невзрачный Суворов явно томился в уголке, с неудовольствием наблюдая за придворными интригами. Видно было, что ему душно во дворце, что ему не терпится выехать к войскам или, на худой конец, удалиться в свое поместье.

Группа посетителей музея восковых фигур скучала, совершенно не интересуясь историческими личностями восемнадцатого века и их сложными взаимоотношениями.

Состав группы был случайный – молодая парочка, заглянувшая в музей, чтобы спрятаться от дождя, две жизнерадостные старушки, которые на всем протяжении экскурсии о чем-то вполголоса переговаривались и громко хихикали, как непоседливые школьницы, унылый папаша с двумя одинаковыми мальчишками лет семи – жена наверняка выперла его с сыновьями на прогулку, чтобы без помех навести в доме порядок и посмотреть любимый сериал.

Экскурсовод, высокая женщина с черными, коротко стриженными волосами и большим, слишком ярко накрашенным ртом, оглядела своих слушателей и скомкала выступление.

– В следующем зале расположены герои кино и мультфильмов, – произнесла она пренебрежительно, – можете осмотреть их самостоятельно. Выход дальше по коридору...

Публика с облегчением удалилась. Только один человек, до сих пор державшийся в тени, остался в Екатерининском зале.

– А вы что же не идете? – раздраженно осведомилась экскурсовод. – Я же сказала, что выход...

И только теперь она разглядела одинокого посетителя.

Это был удивительно худой мужчина в черном костюме и черной же водолазке, с выбритой наголо головой и очень темными, глубоко посаженными глазами.

– Ночь темнее всего перед рассветом, – проговорил он неожиданно звучным голосом.

Женщина вздрогнула и заметно побледнела, от чего ее слишком яркий рот показался окровавленным. Она опасливо оглянулась на соседний зал, откуда доносились голоса расшалившихся старушек, и вполголоса произнесла:

– Во имя Того, кто возвестит приход утра!

Затем она прижала палец к губам и, еще раз оглянувшись, зашла за бархатную портьеру, отделявшую зал Екатерины от маленького служебного помещения. Бритоголовый посетитель безмолвно последовал за ней.

Посреди служебной комнаты стоял рабочий стол, заваленный обрезками тканей, кружев и золотого шитья. Перед столом – простой деревянный стул с жесткой спинкой, в глубине комнаты – высокий двустворчатый шкаф с резными дверцами.

Женщина, по-прежнему не говоря ни слова, заперла дверь на ключ, открыла шкаф. Внутри он был заполнен костюмами разных эпох и народов – шитыми серебром и золотом

камзолами, греческими туниками, тяжелыми пышными одеяниями восточных владык, фраками и сюртуками девятнадцатого века.

Брюнетка раздвинула эти костюмы и шагнула в шкаф. Бритоголовый господин подошел ближе, с удивлением наблюдая за ней.

Женщина провела рукой по задней стенке шкафа, нашла незаметную со стороны защелку. Стенка отъехала в сторону, за ней открылся темный проем, из которого потянуло холодом и сыростью.

По-прежнему безмолвно женщина шагнула в темноту, затем повернулась к своему спутнику. Он последовал за ней. Пропустив его вперед, женщина закрыла потайную дверцу.

Спутники оказались в полной темноте.

Чиркнула спичка, затем с треском и шипением вспыхнул факел. Запахло смолой и дегтем, из темноты проступили мрачные каменные стены и круто уходящие вниз ступени.

И еще... еще из темноты проступило лицо бритоголового мужчины – мрачное, костистое. На какой-то миг женщине показалось, что это не лицо живого человека, а мертвый оскаленный череп с пылающими в глубине глазниц углями. Впрочем, наваждение быстро прошло.

Женщина наконец взяла себя в руки и заговорила, впрочем, она произнесла всего три слова:

– Нам сюда, мессер!

И снова в молчании они пошли вниз по лестнице.

Спускались очень долго. Женщина шла впереди, стараясь не оборачиваться, но все время чувствовала спиной пристальный взгляд своего спутника.

Наконец лестница закончилась, и перед ними из темноты возникла грубая дубовая дверь. Женщина достала из кармана большой бронзовый ключ с резной бородкой, вставила в замочную скважину, повернула, открыла дверь. Переступив порог, зажгла два факела, укрепленных на стене, и только тогда пригласила внутрь своего спутника.

Они находились в просторном круглом помещении со сводчатыми потолками. В центре стоял алтарь из черного полированного гранита, на нем – два серебряных подсвечника, каждый на пять свечей, алебастровый сосуд и подставка для книги. Свечи в подсвечниках были черные.

Женщина зажгла эти свечи и повернулась к бритоголовому господину:

– Мы пришли, мессер.

Пламя свечей потянулось к сводчатому потолку, в воздухе запахло лавандой, полынью, чабрецом и еще какими-то травами, от которых кружилась голова и душу охватывала тоска.

– Я вижу, сестра, ты поддерживаешь святилище в порядке! – одобрительно проговорил мужчина, достав из кармана четки.

Они были весьма необычны, вместо бусин – маленькие черепа из черного дерева.

– Во имя Того, кто возвестит приход утра! – отозвалась женщина.

– Рад, что и в этой далекой стране есть преданные люди! Братья и сестры в Италии также рады будут об этом узнать. Да будет с тобой Его воля!

– Я жду и надеюсь на Его пришествие!

– Но ожидать – это малая часть нашего служения. Мы должны приближать Его приход.

– Что я могу сделать для этого?

– Ты понимаешь, сестра, что я не случайно приехал к тебе. Слышала ли ты про сестру Розамунду из Генуи?

– Не та ли это сестра, которая умеет читать будущее, как открытую книгу?

– Да, это она... – Мужчина повернулся к алтарю. – Ты знаешь, что по всему миру разбросаны сотни таких же святилищ, на сотнях алтарей горят черные свечи...

– Во имя Того, кто возвестит приход утра! – поспешно выпалила женщина.

– Да-да... но ты знаешь также, сестра, чего не хватает на всех этих алтарях.

– Книги! – Глаза женщины вспыхнули странным огнем.

– Да, книги... точнее – Книги, Книги с большой буквы! Так вот, сестра Розамунда узнала, что скоро завершится жизненный путь того, кто стоит между нами и этой Книгой!

– Библиотекаря? – переспросила женщина с оттенком страха и неприязни.

– Последнего из библиотекарей, – подтвердил бритоголовый. – Таким образом, у нас появляется шанс выполнить свое предназначение и приблизить Его приход.

– Что я должна для этого сделать?

Бритоголовый подошел к женщине очень близко и заговорил хриплым шепотом, перебирая четки.

– Ну вот, Илья Васильевич, курс и закончился! – Лариса говорила преувеличенно жизнерадостным голосом, каким всегда разговаривают с больными платные медсестры. – Теперь вы взбодритесь, станете выходить на улицу... Сейчас погода хорошая, лето только кончилось, будете гулять в парке...

Между делом она собирала свои вещи, убирала стетоскоп и бутылочку со спиртом, аккуратно собрала в пакет использованные шприцы и осколки ампул.

– Думаете, встану? – спросил старик серьезно и посмотрел вдруг прозрачными глазами прямо Ларисе в душу.

Она осеклась на полуслове и отвернулась, чтобы он ничего не смог прочесть по ее лицу. Слаб старичок, она-то видит. Вряд ли ему уколы помогут. Оттянут только то, что должно произойти вскорости.

– Привык к вам, Ларочка, – сказал Илья Васильевич грустно, – жалко вас отпускать.

– Я тоже... – Лариса улыбнулась и пошла на кухню, чтобы выбросить мусор.

В самом деле ей тоже жаль старика, он совсем одинокий, сидит в своей квартире, приходит к нему только соседка – тоже не первой молодости, она убирает и готовит немудреную еду. Старик не злобный, довольно опрятный, не пахнет от него нищей старостью и запустением. И хоть обстановка в квартире бедная, стариковская, какие-то деньги у Ильи Васильевича явно имеются, раз платные уколы может себе позволить. Впрочем, Лариса берет по-божески.

Старик полусидел на диване, потирая левую сторону груди.

– Вам плохо? – встревожилась Лариса. – После укола сразу вставать нельзя, полежите!

– Да я и так все лежу, – вздохнул он, – Ларочка, детка, подойдите ближе.

Лариса нехотя сделала шаг. Старикан-то не промах, как полегчает ему – сразу начинает болтать, хвастаться, какой имел успех у женщин в те незапамятные времена, когда у нас Деникина разбили. Ларису по ручке поглаживает, а один раз даже по попе шлепнул. Она сделала вид, что не заметила – не скандалить же с больным человеком.

Но сегодня старик не такой, как всегда. Выглядит усталым, никакой бравады. И этот взгляд пронизательный – как будто видит всех людей и предметы насквозь. Ларису тоже видит и знает про нее такое, что она и сама-то про себя не знает.

– Я хотел поблагодарить вас за все... – сказал Илья Васильевич и взял Ларису за руку. – Дорогая, вы мне очень помогли!

– Да что вы! – Лариса сделала слабую попытку отнять руку. – Это моя работа.

– Я бы хотел пожелать вам... – старик держал руку крепко, – пожелать вам...

– Чтобы все мои желания исполнились! – Лариса со смехом отняла наконец свою руку.

– Э, нет! – Илья Васильевич помотал головой. – Вы сами не знаете, чего хотите! То есть вы думаете, что если это получите, то будете счастливы!

– Но разве это не так? – растерянно спросила Лариса.

Ее нервировали этот разговор и взгляд старика – такой пронизывающий, серьезный...

– Главное – понять, – загадочно ответил ее собеседник, – и... вот я хотел вам подарить на прощанье.

Он поднял одну из диванных подушек, грудой наваленных рядом с ним, потом отбросил еще одну и вытащил на свет белый какой-то старый ящичек, от которого на Ларису пахло застарелой пылью. Она едва удержалась от желания чихнуть.

– Вот, – старик поставил ящик на колени, – это шкатулка. Очень старинная.

– Да мне ничего не надо! – поспешно сказала Лариса. – Вы за все расплатились, ничего мне не должны.

– Это подарок! – твердо сказал старик. – Не знаю, зачем я это делаю... то есть знаю... Извини, девочка, но так уж судьба решила...

Он поднял крышку, которая противно заскрипела. Лариса зажала нос, потому что запах пыли стал совершенно невыносимым.

– Илья Васильевич, спасибо вам большое, но мне на работу нужно!

– Да, конечно.

Он опустил крышку шкатулки и тут же снова ее поднял, но не сразу, а рывками, так что скрип получился прерывистый, как будто старое дерево решило что-то спеть. Но получился только хрип.

Старик удовлетворенно заглянул внутрь шкатулки и захлопнул крышку.

– Вот, возьмите, Лариса. И не стоит вешать голову, все еще будет у вас в жизни отлично!

Шкатулка была ужасно старая, дерево рассохлось и потемнело. При мысли о том, сколько людей прикасались к ней за это время не слишком чистыми руками, в душе Ларисы подняла голову медсестра.

Преодолевая брезгливость, она спрятала шкатулку в непрозрачный пакет и вышла, решив избавиться от такого подарочка при первой же возможности.

Лариса аккуратно закрыла за собой дверь и подергала ее, проверяя, захлопнулся ли замок. Тотчас отворилась соседняя дверь, и в щелочку высунулся любопытный нос Анны Павловны.

– Уколола? – задала она традиционный вопрос.

– Угу, – буркнула Лариса и поскорее отвернулась к лифту.

Но не тут-то было. Старуха была твердо настроена поговорить. Она вышла на площадку, запахнув на груди вязаную кофту, и набрала побольше воздуха в легкие.

«Сейчас начнется», – с тоской подумала Лариса, нажимая кнопку, и не ошиблась.

– Твои-то снова поругались! – сообщила Анна Павловна радостным голосом. – Вон в газете написано, и фотка есть. На приеме каком-то важном старшая у младшей жениха принялась отбивать. Ну, та терпела-терпела, да и сказала сестричке, кто она есть. По-простому, по-русски.

Лариса все жала на кнопку вызова лифта, как будто это могло ускорить дело. Лифт и не думал появляться.

– И то сказать, – бойко сыпала скороговоркой Анна Павловна, – конечно, нехорошо на людях шум устраивать, но ведь и вешаться на чужого мужика тоже неприлично. А твои-то вечно сварятся, видно, мамаша их плохо воспитала.

– Они не мои, – процедила Лариса, – я сама по себе, за них не отвечаю.

– Как не твои? – Анна Павловна выкатила глаза. – Нешто можно так – к родне не признаваться?

«Стукнуть ее, что ли, сумкой, – с тоской подумала Лариса, – или вот пакетом...»

Старуха что-то почувствовала и перевела взгляд на пакет. Глазки ее подозрительно блеснули.

– А это чегой-то? – спросила она и тут же прикусила язык, сообразив, что ляпнула лишнее.

В самом деле, Лариса ей никто, и Илья Васильевич не поручал ей присматривать за своими посетителями. Откровенно говоря, и не ходит к нему никто, кроме Анны Павловны и Ларисы. Старуха готовит больному немудреные блюда, подметает и вытирает пыль, на большее у нее и сил не хватит. Лариса знает, что Илья Васильевич соседку не то чтобы недолюбливает, но не хочет общаться, разговаривать им особо не о чем.

Лариса порадовалась, что сообразила убрать шкатулку в непрозрачный пакет, старуха – жуткая сплетница, не хватало еще, чтобы она разнесла по всему дому, что Лариса таскает у пациентов ценные вещи. Тоже мне, ценность – старая рухлядь, до помойки не донести – развалится...

А Анна Павловна та еще пройда, третьего дня Лариса прошла незаметно на кухню, чтобы выбросить пустые ампулы, и собственными глазами видела, как старуха сунула в карман халата серебряную солонку. Так что чья бы корова мычала...

Лифт наконец раскрыл двери на их этаже, и Лариса ринулась в него, как будто за ней гнался маньяк-убийца.

– А он-то как? – спохватилась Анна Павловна, кивнув на дверь квартиры.

– Вы его проведайте, после укола голова может закружиться, – крикнула Лариса.

– Зайду, а как же! – закивала старуха. – Как не зайти...

Путь Ларисы лежал через двор мимо помойки. Она хотела было выбросить шкатулку вместе с пакетом, но сообразила, что старуха вполне может наблюдать за ней из окна. Увидит и донесет Илье Васильевичу, будет неудобно. Да и зачем человека зря расстраивать? Ему совсем недолго осталось...

Лариса спокойно восприняла эту мысль, много лет она проработала медсестрой и привыкла к болезням и смерти.

Пакет был ужасно неудобный, бил ее по ногам. Да еще сумка большая. И в довершение небо заволокло тучами, и будет дождь. А ей зонтик взять не во что, третьей руки не хватает.

Лариса почувствовала, что настроение, и так с утра не слишком хорошее, стремительно ухудшается. Нужно взять себя в руки, нельзя придавать значения словам глупой старухи.

Но тяжело на сердце стало ей еще до встречи на лестнице. Вот именно, настроение упало после разговора с Ильей Васильевичем.

Неужели с ней все настолько плохо, если ее жалеет больной, да что там, умирающий старик? Сегодня он отбросил свои обычные шуточки и вдруг посмотрел проникновенно светлыми стариковскими глазами и сказал тихо: «Ничего, деточка, не стоит вешать голову. Все будет хорошо, я знаю...»

С чего он взял, что она вешает голову? Заметил, все заметил старик, ишь какой внимательный стал. Перед смертью, наверное. И то сказать, лет ему за восемьдесят, сердце больное и еще куча всего в анамнезе. Проколола ему Лариса витамины и лекарство, чтобы сердечную мышцу укрепить, да нужно ли это? Если организм устанет бороться, то никакие уколы не помогут.

Лариса перехватила неудобный пакет и прибавила шаг. Нужно торопиться, скоро начнется ее смена. Года три назад после развода с Михаилом она устроилась администратором в платную клинику, что открылась рядом с домом. В клинике нужен был человек с медицинским образованием, и не девчонка только что из медучилища, а женщина постарше. Вот она как раз подошла – тогда было без малого тридцать, девчонкой никто не называл даже в транспорте. А уколы на дому она делает по старой памяти, ну и лишние деньги никогда не помешают. Ее передают по знакомым, как палочку в эстафете.

Лариса усмехнулась собственным мыслям и увидела урну возле ларька с газетами. Не пихнуть ли туда пакет? Надоед, сил нет, все время по ногам бьет, синяки будут. Она шагнула к урне, но тут откуда-то вынырнула дворничиха и принялась вяло мести асфальт возле ларька,

поднимая тучу пыли. Жаль, номер не пройдет, тетка разорется, увидев пакет, подумает, что бомба.

Лариса отвернулась, и тут взгляд ее упал на витрину. Так, снова здорово. Никуда не деться от родни. Мамочка собственной персоной на обложке журнала. Что ж, выглядит отлично, ничего не скажешь. И ведь не подойдет тут ехидное высказывание типа «Ничто так не красит женщину, как фотошоп». Она и вправду хороша. Сколько ей сейчас? Так, Ларису она родила в двадцать, стало быть, сейчас ей... пятьдесят два. А смотрится на тридцать. Да что там, она выглядит гораздо моложе и привлекательнее собственной дочери!

Хотя Лариса на нее совсем не похожа. И мамочка никогда не считала ее дочерью. У нее их всего две, дочери-то, от второго мужа, знаменитого режиссера. Две красавицы погодки – Ксюша и Луша. А Лариса – это так, ошибка молодости. Все мы в молодости делаем ошибки, говорила мамочка в очередном интервью, такой ошибкой и был ее брак с Ларисиним отцом. И Лариса тоже ошибка, надо было мамочке в свое время аборт сделать. Пожалела себя, молодую да красивую, родила дочку.

Лариса пролистала журнал. Новый какой-то, глянцевый, называется «Резюме». А пишут-то все одно и то же – как училась мамочка в театральном и бедствовала в общежитии на стипендию, потом играла в театре, не «Кушать подано!», но и не главные роли – в основном верных подружек главных героинь и дочерей положительных героев. А потом произошла судьбоносная встреча – на улице ее увидел тот самый, тогда еще не очень знаменитый, но подающий большие надежды. А что дядя у него был министр кинематографии, про то нигде не сказано. Но Лариса знает, от отца своего слышала в свое время. И не на улице его мамочка подцепила, а в доме отдыха кинематографистов. И уж потом объявила мужу своему первому законному, что бросает его.

Да она еще раньше их всех бросила, Ларисе полгода было. Родила по глупости, а потом учиться поехала в Москву. Отец старше был, он театральный еще раньше закончил по отделению режиссуры. Только кто же выпускнику вчерашнему, да без связей, даст фильм снимать? Отвез он грудного ребенка своим родителям, а сам перебивался случайными заработками.

Дедушка директором стекольного завода был, что в Дружной Горке. Там и жили, чтобы из города не мотаться. Характером дед был крут, коммунист со стажем, все его боялись. Дом был у них двухэтажный, сад фруктовый. Еще цветы бабушка сажала, георгины и гладиолусы. Бабушка как Ларису крошечную на руки взяла, так к ней душой и прикипела. Она за мужем была как за каменной стеной, дом вела и Ларису растила. Только и были годы счастливые тогда, в детстве.

Дед тоже ее любил, баловал всячески, игрушки покупал самые лучшие, одежду, кукол. А больше всего любила Лариса стеклянные фигурки, что дед с работы приносил. Иногда мастера по его просьбе для внучки выдували зверюшек разных или букет цветов в вазочке.

Ага, вот как раз когда мамочка замуж за своего перспективного и подающего надежды вышла, Ларисе пять лет было. Отец тогда приезжал, бабушке свидетельство о разводе показал и бумагу какую-то, где мамочка подписывалась, что полностью доверяет свою дочь ее отцу. Или по-другому там было сказано, Лариса по младости лет не уразумела. Бабушка только вздохнула, зато дед голос повысил. Всем от него досталось – отца рохлей обозвал, а мамочку вообще неприличным словом.

А Лариса тогда и не расстроилась вовсе, она родную мать не помнила совсем.

– Слушайте, вы журнал брать-то будете? – ворвался в ее невеселые мысли недовольный голос продавщицы. – У меня не районная библиотека, чтобы просто так читать!

Лариса взглянула на тетку. Что-то голос слишком нервный, опять же слова правильные знает – районная библиотека. Так и есть – образованная. И немолодая. Взгляд недобрый, очки на носу, губы сердечком накрашены. Небось раньше завучем в школе работала, привыкла на

детей орать. Или в институте научном. А теперь ей в ларьке торчать – нож острый, все кажется, что унизительна для нее такая работа. И ненавидит она всех покупателей лютой ненавистью.

А кто виноват-то, что жизнь так повернулась. Она, Лариса, тоже не виновата, что росла, считай, без родителей. Но по этому поводу на людей не бросается.

Хуже нет этих, с высшим образованием, которые раньше мелкими начальниками были. Докторша у них в клинике рассказывала, что взяла в уборщицы кандидата наук. Намучилась с ней, та вместо уборки все ее норовила в спор политический втянуть. Прикрикнуть на нее неудобно – все-таки человек образованный, а в результате деньги ей платишь, а чистоты в квартире не больно прибавляется. Ну, наконец решилась, уволила кандидата наук, взяла простую хохлушку из-под Нежина. Та при разговоре падежи путает, зато по квартире не ходит, а летает, все у нее за два часа блеснит и сияет. Каждый хорош на своем месте, уж это точно...

– Так будете брать? – столкнувшись с Ларисой взглядом, тетя понизила голос.

– Буду, – неожиданно для себя сказала Лариса, – сколько с меня?

И тут же пожалела – не денег, а себя. Зачем ей все это нужно? Как будто она не знает мамочкиной биографии. А что напишут в этих журналах – все вранье. Или рассматривать глянцевые снимки красоток сестер и сравнивать их с собой?

Тем не менее она расплатилась и засунула журнал в тот же пакет, что и шкатулку.

– Это большое и богатое княжество! – Кардинал говорил медленно, убедительно, но Зоя видела, что он сам не верит своим словам. – Только взгляни на меха и дорогие сосуды, которые прислал тебе великий князь! Только взгляни на этих соболей и куниц! Таких мехов нет даже у княгини Орсини!

– Это княжество платит дань татарам! – возразила Зоя. – Мессер Аристотель говорил, что у них зима длится девять месяцев в году, а лето иногда вовсе не наступает. Это дикие места, далекие от всех христианских стран. Мессер Аристотель Фиораванти говорил, что половину страны занимают леса и болота, по улицам городов бродят дикие звери, а женщины красят щеки свекольным соком!

– Мало ли какие обычаи бывают на свете! – проворчал старый кардинал. – Все же этот великий князь – полновластный государь в своей стране, и он христианин...

– Я – внучка императора! – гордо проговорила Зоя и откинула тяжелые темные волосы.

– Да, только империю твою отобрали турки! – Кардинал грозно насупил брови и понизил голос: – Ты не забыла, чем кончилось сватовство герцога Караччиоло?

Зоя нахмурилась. Незачем было кардиналу поминать ту позорную историю!

Но кардинал встал, протянул ей руку для поцелуя и проговорил не терпящим возражений голосом:

– Послы великого князя ждут! Помни, дочь моя, что смирение – одна из главных добродетелей женщины!

– Я никогда об этом не забываю! – Зоя прикоснулась губами к сухой руке кардинала, покорно опустила глаза.

– Да будет на тебе милость Господа нашего! – промолвил старик, поднимаясь.

Зоя поняла, что его преосвященство закончил разговор и больше не намерен слушать возражения.

Она, Зоя Палеолог, дочь деспота Морей, внучка и племянница императоров, в Риме заново крещенная под именем София, вынуждена подчиняться приказам этого желчного старика, кардинала Виссариона Никейского.

Империя ее предков пала, пала под ударами несметных турецких полчищ, и она с малолетними братьями зависит от настроений и интересов римской знати. Эти кардиналы и епископы спят и видят, как бы выдать ее замуж с пользой для римской курии. Сейчас кардинал Виссарион лелеет планы при помощи ее замужества приобрести влияние в далекой северной

стране и добиться унии между тамошним православным митрополитом и Римско-католической церковью.

Зоя хлопнула в ладоши. В комнату вошли две служанки, привезенные из отцовской деспотии, – Милана и Бьянка.

– Одеваться! – приказала Зоя. – Одеваться для большого выхода!

Она встала посреди комнаты, подняла руки, как античная статуя, олицетворяющая величие и благородство. Служанки суеились вокруг нее, надевали одежду за одеждой – тонкий хлопок, дорогой индийский шелк, златотканую парчу...

Зоя прикрыла глаза, вспоминая дворец своего отца.

Тогда у нее было не две, а двадцать служанок. Отец ни в чем не отказывал своей любимице, у нее были многочисленные преданные слуги, самые дорогие украшения из всех стран света, самые красивые наряды, самые редкие диковины. У нее был даже собственный зверинец. Кое-что ей удалось привезти с собою в Рим, ведь она, внучка императора, не может быть бесприданницей...

Служанки закончили наряжать ее, напоследок осторожно надели высокий венец в индийских самоцветах, обернули шею тройной ниткой жемчугов. В этих тяжелых дорогих уборах Зоя чувствовала себя неловкой, неуклюжей куклой. Даже передвигалась она с трудом.

Собственно, она и была куклой, марионеткой в руках кардинала Никейского и других старых интриганов...

Пришли люди кардинала, взяли ее под руки, провели в парадные покои, усадили в кресло.

Зоя на мгновение прикрыла глаза, и к ней вернулась уверенность в себе, сознание собственного величия.

Ведь она – не жалкая простолюдинка, не какая-нибудь захудалая княжна из крошечного итальянского городка, она – Зоя Палеолог, внучка и племянница императоров тысячелетней Византии!

Покой постепенно наполнялся людьми.

Зоя узнала Примо деи Корса, смазливового остроумного венецианца, молодого князя Орсини, мессера Джанбатиста Питти и еще двоих юношей из Флоренции, чьи имена не запомнила. Остальные лица сливались в сплошную говорящую, усмевающуюся, злословящую массу.

Ее разглядывали с откровенным любопытством, как забавную зверюшку, – еще бы, им никогда прежде не доводилось видеть византийскую принцессу в парадном одеянии.

Примо деи Корса что-то шептал на ухо своему соседу, кудрявому флорентинцу. На свое счастье, Зоя не могла слышать его слов.

– Толстая разряженная кукла, – шептал венецианец. – Щеки свисают, как у собачки старой герцогини Сфорца!

– Но глаза у нее красивые, – возражал флорентинец.

– Мой друг, как вы умудрились разглядеть ее глаза? По-моему, они совсем заплыли жиром!

– Вы не правы, мой дорогой Примо, в вас говорит ревность. Кажется, вы тоже сватались к этой восточной царевне на прошлое Рождество, да получили отказ?

– Царевна! – фыркнул Корса. – Все ее царство можно увезти на одной телеге...

Наконец дворецкий кардинала ударил в пол золоченым жезлом и важным голосом провозгласил:

– Послы великого князя Московского!

Двери распахнулись, и в парадные покои медленно вошли три человека с окладистыми бородами, в длинных, до полу, расшитых золотом одеждах, в высоких меховых шапках. Послы казались необыкновенно толстыми, но Зоя поняла, что такими делают их многочисленные одеяния, надетые одно поверх другого.

Остановившись посреди покоя, москвитяне медленно, настороженно оглядывались, как оглядывается лев, окруженный стаей гиен.

Неожиданно Зоя почувствовала странную симпатию к этим людям.

В них было что-то от ее родной Византии – та же азиатская пышность, то же неспешное, важное достоинство, то же недоверие к шустрым, предприимчивым ломбардцам, высоко ставшим свою собственную волю и ни в грош – волю своего государя.

Главное же, что роднило послов с Зоей, – то неуловимое чувство единой веры, истинного восточного православия. На лицах этих трех вельмож она увидела последний вечерний отблеск золотого солнца Византии.

Прибыв с маленькими братьями в Рим, к папскому престолу, Зоя вынуждена была принять католичество, чтобы завоевать благосклонность местной знати, но в глубине ее сердца неугасимой лампадой горела вера ее предков, простодушная и величественная.

Главный из москвитов заговорил – с тем же медлительным, внушительным достоинством, с каким он явился в это пышное собрание.

Он говорил на своем родном языке, а стоявший рядом с Зоей ученый грек тут же переводил слова посла на итальянский.

Москвит долго говорил о величии и могуществе своего владыки, великого князя Московского. Говорил о многочисленности его подданных, обширности и богатстве его владений.

Примо деи Корса и тут не удержался. Склонившись к уху соседа, он зашептал:

– Что это за сказочная страна, о которой никто не слышал? Вы не знаете, мой друг, где она расположена? На далеком севере, за полярным кругом?

– Нет, мой дорогой Примо, скорее на востоке. Не так далеко на востоке, как Китай, но гораздо восточнее Австрии.

– На востоке? – заинтересовался Примо. – На востоке, насколько я знаю, находится Польша...

– А Московия еще дальше на восток.

– Дальше? Разве дальше что-нибудь есть?

– Помолчите, мой дорогой Примо, мне любопытно послушать, о чем говорит этот вельможа!

А московский посол перешел к цели своего визита.

– До моего государя, великого князя Московского Иоанна, дошли слухи о красоте и добродетели царьградской принцессы Софии. Посему великий князь послал меня со товарищи в славную фрязинскую, то бишь итальянскую землю, дабы я самолично на царевну Софию посмотрел и испросил ее руки для своего государя.

Посол лукавил: еще год назад в Рим приезжал знатный ломбардец, находящийся на службе московского князя, Джанбатиста делла Вольпи. Он подыскивал невесту для своего овдовевшего государя, и кардинал Виссарион показал ему византийскую царевну. Дабы московский правитель мог оценить красоту Софии, знаменитому художнику маэстро Мелоццо да Форли заказали ее портрет. Для жителей Московии такое было в новинку: они видели только иконы, портрет же живого человека показался им неуместным и едва ли не греховным. Москвиты перешептывались между собою, что негоже писать на иконе живую царевну, как будто она святая или великомученица. Однако великому князю царевна на портрете приглянулась, а еще более польстила ему знатность ее рода: надо же, из самого Царьграда принцесса!

По традиции своих предков великий князь посоветовался с матерью, митрополитом Филиппом и боярами и принял решение взять в жены царевну Софию.

На середину зала вышел секретарь кардинала Никейского мессер Бонакорсо Бальцони. Низко поклонившись послу, он весьма учтиво проговорил:

– Вы видите в кресле перед собою высокородную принцессу Софию из древнего рода Палеолог. Принцесса вошла в возраст, и если ваш государь так славен и знаменит, то отчего

бы нам не обсудить возможности заключения брака? Принцесса София – дева высокого рода, несравненной добродетели и прекрасного воспитания. Она составит счастье для любого государя...

Московит выслушал перевод речи монсиньора Бальцони, степенно поклонился и заговорил:

– Благодарствую! Своими глазами я вижу, сколь хороша и приятна для глаза царевна. А род ее столь знаменит и славен, что нет равного ему ни в франкских, ни в итальянских краях. Так что не сыскать во всем христианском мире лучшей невесты для моего государя. Однако всякая высокородная невеста должна принести своему супругу достойное приданое. Какое приданое будет за царевной Софией?

Мессер Бальцони откашлялся, развернул пергаментный свиток и начал зачитывать перечень Зоиного приданого.

Впрочем, список этот был не так велик, как у других знатных невест. Потеряв империю своих предков, византийская царевна потеряла почти все свое богатство, почти все драгоценности и зависела теперь в основном от щедрости папы Павла Второго и своего покровителя, кардинала Виссариона.

Мессер Бальцони не преминул назвать имена ее высоких покровителей.

– Его святейшество папа дает за принцессой Софией шесть тысяч золотых дукатов и головной убор персидской работы с изображением Пресвятой Богородицы... его преосвященство кардинал Виссарион Никейский дает за ней две тысячи золотых дукатов и вышитый монахинями покров с изображением сцен из Священного Писания... также принцесса София принесет своему супругу дорогие уборы и украшения своей покойной матери, княгини Екатерины... также принцесса София принесет супругу многие книги, привезенные ее покойным отцом из библиотеки Константинополя... также принцесса София принесет своему супругу четыре сундука голландского полотна столового, сундук посуды серебряной и прочей утвари...

Гости явно скучали. Примо деи Корса откровенно зевал. Только один неприметный человек, необычно худой, в скромном монашеском облачении, с выбритой головой и темными, глубоко запавшими глазами, с крестом из черного дерева на груди внимательно слушал мессера Бальцони и время от времени делал пометки в небольшой книжице. Когда речь зашла о книгах из константинопольской библиотеки, незнакомец заволновался и придвинулся ближе, дабы не пропустить ни слова. Чтобы сдержать волнение и не показывать его внешне, он принялся перебирать четки. Четки эти были весьма необычны – вместо обычных бусин на нить были нанизаны искусно вырезанные из черного дерева маленькие черепа. Едва же секретарь кардинала закончил перечень приданого, незнакомец выскользнул из толпы и покинул парадный покой кардинала.

Его исчезновения никто не заметил – никто, кроме любопытного Примо деи Корса.

Проводив незнакомца взглядом, он шепотом осведомился у своего соседа:

– Кто это был?

– О ком вы, мой дорогой Примо?

– О том худом монахе, который только что покинул зал. Ну, тот, с выбритой головой и злыми глазами!

– Ах, этот... кажется, это знатный испанец, доверенный человек кардинала Сполетти.

В медицинский центр «Долгий век» Лариса влетела за пять минут до начала смены, так что получила порцию неодобрительных взглядов от Алены.

– Ты где это ходишь? – шепотом спросила она. – Знаешь же, что мне за Славиком надо.

Сын Алены пошел в первый класс, она сильно рассчитывала на свекровь, но та заартачилась и заявила, что всю осень проведет на даче. Теперь Алене самой приходилось выкручи-

ваться. Она упростила Ларису работать только во вторую смену и срывалась с места в карьер ровно в три, как скаковая лошадь.

– Извини! – буркнула Лариса, скрываясь в маленькой комнатке, где персонал переодевался и пил чай.

Алена тут же устремилась за ней, благо перед стойкой никого не было.

– Двое на УЗИ придут, один к хирургу записан, – тараторила она, – еще одна мамаша ребенка к ЛОРу приведет.

– Да я разберусь! – отмахнулась Лариса. – Иди уж!

Алена накинула куртку, наскоро пригладила волосы, даже не взглянув в зеркало, и умчалась, столкнувшись в дверях с доктором Андреем Егоровичем.

Доктор был мануальным терапевтом, вездесущая Алена говорила, что у него золотые руки. И правда, больные шли к нему едва ли не толпой, записывались за несколько месяцев. Доктор был довольно молод, сорока еще нет, и как-то в приватном разговоре велел Ларисе звать себя просто по имени. Только не при всех, потому что главный врач строг и никакой фамильярности не разрешает.

– Не помешаю? – спросил Андрей деликатно.

Лариса уже надела халат и теперь с грустью рассматривала стрелку на колготках. Задела-таки проклятой шкатулкой!

– Ну что за день сегодня такой! – вздохнула она и раздраженно пнула ногой пакет.

Он с шумом упал с табуретки, журнал вывалился на пол.

– Что это у тебя? – Андрей наклонился.

«Ну, сейчас начнется, – с тоской подумала Лариса, – замучает разговорами про мою знаменитую мамочку».

Однако доктор не обратил ни малейшего внимания на портрет красивой ухоженной блондинки, он уставился на шкатулку. Потом поднял ее с пола и поставил на подоконник.

– Что это? – повторил он.

– Ой, не спрашивай, – вздохнула Лариса, – всучил один больной подарочек...

Она осеклась было, но вспомнила, что уже обсуждали они с Андреем этот вопрос. Он прекрасно знал, что Лариса делает иногда уколы на дому, он и сам ходил к нетранспортабельным больным на дом. Зарабатывать-то всем нужно.

– И что люди находят в таком старье? – сказала Лариса, брезгливо поморщившись. – Эту штуку и в руки взять противно, не то что в дом принести...

– Да-да, – рассеянно сказал Андрей, прикоснувшись к шкатулке, – послушай, что ты собираешься с ней делать?

– Да выбросить на помойку! – с чувством сказала Лариса. – Никакого от нее прока, вот, колготки порвала...

– Ну, если выбросить... Отдай ее мне! – решил Андрей.

– Да тебе зачем? – изумилась Лариса. – Бери, конечно...

– Да мне-то, сама понимаешь, не нужна она. Есть у меня больной один... – Андрей вздохнул тяжело, – то есть не больной, а друг мой. То есть он больной... В общем, года два назад поехал мой Вовка в Австрию на лыжах кататься. Ну и вернулся оттуда полностью парализованный. Неудачно упал. Перелом позвоночника. Год по больницам провалялся, четыре операции перенес, наконец выписали. Сказали – все, что могли, сделали, дальше сам выбирайся. Работаю я с ним... – снова Андрей вздохнул тяжело.

– Неужели нет прогресса? – поинтересовалась Лариса просто так, из вежливости.

Откровенно говоря, ее не слишком тронула история неизвестного человека. Ну, не повезло, упал неудачно, так что ж теперь делать, у каждого свои заморочки.

– Есть... – задумчиво ответил Андрей, – он теперь сидеть может, и руки двигаются...

Он посмотрел на свои руки, как будто прислушиваясь. Лариса вспомнила слова Алены про золотые руки доктора. Наверно, и впрямь у него дар, во всяком случае, к рукам своим он относился очень бережно, как музыкант.

– Вовка ведь раньше классным архитектором был, – продолжал Андрей, – ну, по старой памяти коллеги время от времени подбрасывают ему работенку – рассчитать что-то, спроектировать на компьютере. Так что в материальном плане не бедствует. А для души вот занимается он реставрацией таких штучек, – доктор кивнул на шкатулку, – это терпения требует и времени. А уж чего-чего, а времени у него сейчас навалом. Так я возьму? Как раз сегодня к нему еду...

– Да бери, конечно! – сказала Лариса, выходя из комнаты. – Раз больному человеку развлечение...

У стойки уже стояла мамаша с ребенком лет десяти, они пришли к отоларингологу. Потом заскочила девица за результатом анализов. Под мышкой девица держала крошечную собачку. Пока Лариса искала бланки, в холл вылетела Эльвира. Себя она величает заместителем главного врача, а на деле является обычным завхозом.

Орлиным взором заметив собачку, Эльвира не преминула сделать замечание насчет того, что с собаками в медицинский центр нельзя. Девица тут же начала орать, что собака – дорогая, ценная, с тонкой и чувствительной психикой, не на улице же ее оставлять. Эльвира вошла в раж и высказалась в том смысле, что вообще не понимает, за каким чертом люди держат такое мелкое недоразумение и называют его собакой. Девица, совершенно справедливо обидевшись, обозвала Эльвиру нацисткой, собачка визгливо залаяла. Затем ее хозяйка выхватила у Ларисы бланки своих анализов и вылетела, крикнув на прощание, что ноги ее не будет больше в этой забегаловке. А собачка умудрилась напоследок цапнуть Эльвиру за палец – не больно, но униительно.

Мерзкая баба тут же обратила свой гнев на Ларису, а та молчала, хоть очень хотелось сказать, что если бы сама Эльвира не влезла со своим неуместным замечанием, никакого скандала и не было бы. Но нельзя с Эльвирой ссориться, она главному врачу не то родственница дальняя, не то знакомая близкая, напоет ему в уши, и Ларису уволят. Жалко бросать такую работу – все-таки платят здесь прилично, не сравнить с районной поликлиникой.

Через два часа холл опустел. Всегда так – к началу смены народ подходит, потом поток редет, а после шести уже идут те, кто с работы. Лариса решила выпить чаю прямо за стойкой, посетителям все равно не видно, да и нет никого. А если кто войдет, она всегда успеет чашку в ящик убрать.

Снова под руку попался тот самый журнал с мамочкиной фотографией на обложке. Да, выглядит неплохо на самый пристрастный взгляд. Не зря, когда она снялась в фильме своего мужа, прочно прилепилось к ней прозвище «Русская Катрин Денёв». Вроде и правда похожа немножко тогда была – прическу такую же сделала. Фильм хороший был, призов всяких получал на зарубежных фестивалях, мамочкин муж из подающего надежды стал знаменитым.

Отец Ларисин тогда тоже фильм снял, сумел как-то уговорить начальство на Ленфильме, чтобы денег выделили.

Только фильм тот даже на экраны не вышел, сразу его на полку положили. Усмотрели в нем политику и намек на призывы к свержению государственного строя – это бабушка так Ларисе из газеты зачитывала, по отцу врезали из всех стволов, да и выгнали на улицу с волчьим билетом.

Вот как раз недавно приходила к Ларисе журналистка одна. Еле пробилась, потому что Лариса с этой братией теперь и двух слов не скажет, надоели все. Так по телефону и сказала той даме – про мать говорить не буду.

А та как раз про отца интересовалась. Дескать, вытащили тот фильм с полки, специалисты, мол, и тогда говорили, что шедевр, новаторство и какие-то съемки замечательные. Ну, сейчас-то у нас все хорошо, что раньше было. А тогда отцу жизнь сломали. Да и не только ему.

Приехал отец к ним в Дружную Горку, Ларисе хоть семь лет было, а и то поняла, что плохо ему. А дед, не тем будь помянут, вместо того чтобы сына поддержать в трудную минуту, разорался, ногами топал – так, говорил, тебе и надо, ишь, вздумал поклеп снимать на родину, что тебя вспоила-вскормила. Правильно, говорит, тебе по ушам надавали, может, мозги прочистят. Отец кричит ему, что тот обо всем только по газетам судит и дальше своего носа не видит. Дед аж задохнулся – вон из моего дома! Нет у меня сына! Ну, отец дверью хлопнул, да и уехал, даже с Ларисой и бабушкой не попрощался.

И пропал надолго, в Сибири где-то устроился в театр. Ну а деда через год инсульт хватил. Из больницы выписали – ходить не может, речь отнялась. Лариса помнит, как сидел дед в кресле у окна и все на улицу глядел. Кого уж там увидеть хотел – кто знает. А как умер он – их с бабушкой из дома в Дружной Горке сразу турнули. Другой директор приехал, дом-то заводской был, ведомственный.

Приехали в город, Лариса в третий класс пошла. Квартира запущенная, у бабушки пенсия крошечная, от отца ни слуху ни духу.

Жизнь тогда голодная была, тяжелая, сбережений от деда никаких не осталось. Вот тогда бабушка и обратилась к мамочке, написала ей письмо. А мамочка в то время в Штатах жила, у нас-то кино тогда не снимали, так что муж ее знаменитый в Голливуд подался вместе с семьей. И ответ пришел от мамочки не скоро. Ответ и сто долларов с оказией. А больше, писала, нету, потому что тут жизнь трудная, денег на ветер никто не бросает. В общем, понять дала, чтобы на нее не рассчитывали.

Лариса перевернула страницу. Ага, вот тут про Америку. И фотка семейная. Все четверо на берегу океана, а сзади яхты плавают. Выглядят вполне счастливыми. Лариса вспомнила, как бабушка перешивала ей чужую одежду, как питались перед пенсией только хлебом и картошкой, и рассердилась на себя. Для чего купила журнал? Зачем в прошлом копать? Было бы что вспоминать!

Вошел очередной посетитель, и Лариса обрадовалась ему как родному.

Она вернулась домой совершенно без сил и легла спать, даже не поужинав. А утром, разбирая сумку, не нашла в ней тонометра.

Тонометр был дорогой, японский, Лариса всегда носила его с собой, когда ходила на уколы. Мало ли, больному плохо станет? Всегда нужно перед уколом давление померить.

И вот теперь тонометра в сумке не оказалось. Все ясно: она забыла его у Ильи Васильевича. Все из-за проклятой шкатулки – отвлеклась на нее и оставила тонометр на столе.

Она позвонила старику, но никто не брал трубку. Может, слишком рано и он спит?

Потом навалились мелкие хозяйственные дела, потом Лариса пробежалась по магазинам, зашла в парикмахерскую и вспомнила про тонометр только на работе. И снова старик не ответил на ее звонок. Не слышит?

Посетители шли густо, так что позвонить Анне Павловне удалось только через три часа. И у нее тоже никто не взял трубку. Старуха-то, интересно, куда подевалась? Может, у них во всем доме телефон отключили?

И только вечером, перед уходом с работы, старуха наконец ответила.

– Анна Павловна, это Лариса! Что у вас случилось, я звоню Илье Васильевичу, а он трубку не берет!

– Как же он трубку возьмет, когда он умер, – будничным голосом ответила соседка.

– Ну надо же... – Лариса поймала себя на мысли, что ничуть не всполошилась, была уже готова к такой новости.

– Захожу я к обеду, – монотонно говорила Анна Павловна, – а он в постели лежит. Видно, ночью его смерть застигла, во сне. Ну, хоть не мучился... Вызвала я участкового да врачей, говорят – ждите. Полдня там и просидела ожидаючи...

Лариса поняла, что разводить с ней беседы старуха не расположена, и скороговоркой поведала про тонометр.

– Ну, не знаю... – неохотно протянула Анна Павловна, – там полиция двери опечатала... У него же никого не было, квартира теперь государству отойдет...

– Как же мне быть? Тонометр дорогой, жаль его терять...

– Ладно, – очевидно, старуха вспомнила, сколько раз Лариса мерила ей давление этим самым тонометром, – если буду там, возьму уж... А ты звони завтра или лучше послезавтра...

Вот так вот, подумала Лариса, нажимая отбой, человек умер, и даже помянуть добрым словом его некому. Все-таки ужасная вещь – одинокая старость.

И тут же возникла в голове еще одна предательская мысль: ей, конечно, до старости еще далеко, но одиночество – вот оно, тут как тут. Никого у нее нет, ни единой живой души. Бабушка давно умерла, отец тоже, что касается мамочки и сестричек – они хуже чужих. А могли бы быть у Ларисы и сестры, и племянники – вон у старшей, Ксении, трое детей. И у младшей, Луши, девочка. Сестрички тоже в актрисы подались, только до матери им далеко. Она-то в свое время большой известности достигла, а эти все больше по сериалам отираются. Но зато в светской жизни они первые, таблоиды про них бесконечно пишут. Что там вчера говорила Анна Павловна? Подрались девочки на каком-то приеме из-за жениха? Ну, это вполне в их духе... Хотя, возможно, старуха и преувеличила.

– Лариса, ты что – ночевать здесь собралась? – недовольно буркнула Эльвира, бренча ключами. – Вечно копаешься! Если тебе спешить некуда, то меня дома семья ждет!

Последние слова были явно лишними, но Эльвира в своем репертуаре, вечно норовит гадость сказать. Лариса молча пожала плечами и вышла не прощаясь.

Соседка покойного Ильи Васильевича Анна Павловна была женщина озабоченная и беспокойная. Беспокоили ее обычно два коренных вопроса мироустройства: почему это у других людей гораздо больше денег, чем у нее, и почему у них есть такие вещи, каких у нее самой не имеется. Если задуматься всерьез, это даже и не два вопроса, а один.

Пока Илья Васильевич был жив и соседка время от времени заходила к нему помогать по хозяйству, она невольно обращала внимание на некоторые полезные предметы, имеющиеся в его квартире. Собственно, обстановка у старика была небогатая, мебель старая, диван потертый, посуда треснутая. Но кое-что интересное все же было. Из этих предметов особенно беспокоили Анну Павловну два: электрический чайник и хитрая электрическая же кастрюля. Нет, конечно, чайник у нее тоже имелся, но попроще. Тот же чайник, который стоял на кухне у Ильи Васильевича, поражал соседку своей неземной красотой. Когда его включали, чайник светился чудесным голубовато-сиреневым светом, наполняя всю кухню удивительными отсветами северного сияния.

Таким образом, соседский чайник затрагивал в душе Анны Павловны тонкие струны эстетического чувства.

Что касается кастрюльки, то она была и вовсе необыкновенная: в нее можно было с вечера налить воды и молока, насыпать крупы – и к утру в кастрюльке была готова замечательная рассыпчатая и разваристая каша. Или положить мясо, овощи и приправы и оставить все это без всякого присмотра – а через три-четыре часа в умной кастрюле было готовое рагу!

Конечно, для одинокого старика такая кастрюля представляла большое удобство, но и самой Анне Павловне она нравилась чрезвычайно.

И вот теперь, когда сосед скончался, беспокойство в душе Анны Павловны достигло невероятного градуса.

Она никак не могла примириться с тем, что в пустой соседской квартире пропадают без всякой пользы два таких замечательных предмета.

«Ведь у него нет никакой родни, – думала Анна Павловна, помешивая пшеничную кашу в своей обыкновенной, заурядной кастрюльке. – Ведь пропадут вещи ни за грош, ни за копейку! Заберет их какая-нибудь шантрапа! Либо участковый мент прихватит, либо вовсе какой случайный человек...»

От таких мыслей Анна Павловна плохо спала, утратила аппетит (который у нее всегда был отменным) и без всякого удовольствия смотрела свой любимый сериал «Пучина страсти».

В конце концов она решилась на трудный и рискованный шаг – проникнуть в квартиру соседа и завладеть желанными предметами домашнего обихода.

Конечно, это было опасно – можно было нарваться на полицию, но, как говорят, охота пуще неволи. Заодно и тонометр японский поищет, все-таки доброе дело сделает. И то сказать – Лариса эта по виду женщина небогатая, что деньги-то зря на новый тратить. От хорошей-то жизни по домам с уколами бегать не станешь...

Убедив себя, что действует исключительно в интересах медсестры, Анна Павловна достала из кухонного ящика запасные ключи от соседской квартиры, выглянула в глазок и, убедившись, что на лестнице нет ни одной живой души, выскользнула на площадку и остановилась перед соседней дверью.

На дверь была прилеплена полоска бумаги с лиловой полицейской печатью. Это было неприятно, но не то чтобы непреодолимо: Анна Павловна через дверной глазок собственными глазами видела, как полицейский чин, которому понадобилось войти в квартиру, отколупывал эту бумажку ногтем, а потом приклеивал ее на прежнее место, просто посплюнвив ее. А мы чем хуже?

Соседка поступила так же – подцепила бумажку за край, отодрала от косяка и открыла дверь своими ключами. При этом сердце ее тревожно забилось, она ощутила себя преступницей, но вспомнила чайник и кастрюлю и решила не отступать.

Проникнув внутрь и осторожно прикрыв за собой дверь, Анна Павловна огляделась.

В квартире соседа она бывала неоднократно, но сейчас эта квартира показалась ей какой-то незнакомой и опасной. Рассохшийся паркет потрескивал, водопроводные трубы издавали странные звуки, подобные ночным голосам африканской саванны (где Анна Павловна, разумеется, никогда не бывала), а из комнаты покойного соседа доносилось какое-то подозрительное постукивание.

Анна Павловна несколько оробела и застыла перед дверью, думая, не вернуться ли от греха домой. Тем более что до начала любимого сериала оставалось всего полчаса.

Но из прихожей хорошо просматривалась кухня, и Анна Павловна увидела тот самый восхитительный чайник, предмет своих затаенных мечтаний и ночных грез.

Это решило дело.

Она сделала несколько шагов, вошла на кухню, подхватила чайник и отнесла его в прихожую, затем вернулась на кухню, нашла удивительную кастрюлю и присоединила к своей добыче.

В прихожей она снова немного задержалась.

Нести одновременно чайник и кастрюлю было несподручно, опять же, если вдруг встретится на площадке кто-то из соседей, объяснить им, почему она несет из соседской квартиры ценную бытовую технику, будет весьма затруднительно.

Тут Анна Павловна вспомнила, что у покойного Ильи Васильевича имелась замечательно удобная кожаная сумка. В эту сумку вполне поместилась бы вся добыча, кроме того, сама эта сумка тоже, несомненно, представляла определенный интерес.

Последний раз, когда Анна Павловна была в квартире у соседа, эта сумка почему-то находилась у него в комнате, которую Илья Васильевич называл кабинетом.

Анна Павловна собрала всю свою решимость, пересекла коридор, толкнула дверь кабинета и переступила порог...

И только сделав второй шаг, увидела в кабинете покойного соседа незнакомого человека. Человек этот рылся в ящике письменного стола.

Услышав скрип двери, он обернулся.

Это был высокий, удивительно худой мужчина в черном костюме, с выбритой наголо головой и очень темными, глубоко посаженными пронзительными глазами.

В первый момент Анна Павловна возмутилась.

Что этот посторонний человек делает в квартире Ильи Васильевича? По какому праву он тут хозяйничает?

То, что он не из полиции и не из других официальных органов, было для Анны Павловны очевидно. Внешность у него была такая – совершенно неофициальная. Более того, очень подозрительная внешность.

То, что она и сама проникла в квартиру без всякого на то права, преступно оторвав бумажку с печатью, Анна Павловна как-то не приняла во внимание.

В общем, она строгим голосом спросила незнакомца:

– Это что вы тут делаете?

Он ей ничего не ответил, но быстрым и незаметным движением переместился от письменного стола на середину комнаты, оказавшись в двух шагах от Анны Павловны.

Бесшумность и быстрота незнакомца произвели на старуху сильное и неприятное впечатление, и на смену первоначальному возмущению пришел страх. Она внезапно осознала, что находится в этой квартире наедине с опасным и подозрительным человеком и, в случае чего, ей не на кого рассчитывать.

Совершенно другим тоном она проговорила:

– А, вы тут занимаетесь... ну, занимайтесь, я вам не буду мешать... – и попятилась, надеясь выскользнуть в коридор и быстренько сбежать из чужой квартиры, прихватив по дороге чайник и кастрюлю.

Однако бритоголовый незнакомец еще одним неуловимым движением переместился, оказавшись между Анной Павловной и дверью кабинета, и только тогда заговорил:

– Шляешься тут? Вынюхиваешь? Подбираешь, что плохо лежит?

Анна Павловна подумала, что черт с ними, с чайником и даже с кастрюлей, а хорошо бы просто унести отсюда ноги и оказаться у себя, в своей собственной квартире, перед своим телевизором, по которому как раз должны показывать любимую «Пучину страсти».

Но у незнакомца были на ее счет совсем другие планы.

Он схватил Анну Павловну левой рукой за лацканы фланелевого халата, сильно встряхнул и прошипел:

– Так это ты ее прихватила?

– Кого... ее?... – пролепетала женщина слабым голосом, чувствуя, как по всему телу разливается волна отвратительной слабости.

– Ты дурочку не валяй! – шипел злодей, сверля ее холодными пронзительными глазами. – Ты, признавайся, взяла?

– Вы про кастрюльку? – забормотала Анна Павловна. – Да я ее и унести-то не успела, она в прихожей стоит... ежели она вам нужна, так пожалуйста, я не возражаю...

– Еще бы ты, жаба, возражала! – рявкнул бритоголовый и тут же спохватился: – Какая, к черту, кастрюлька? На черта мне твоя кастрюлька? Я тебя разве про кастрюльку спрашиваю?

– А... про что? – растерянно пролепетала женщина. – Кроме кастрюльки, я ничего... никогда...

Глаза злодея проникали в самую ее душу, и Анна Павловна выложила последнее:

– Ну, еще чайник... такой чайник красивый, светящийся, но если вам нужно...

– Какой чайник?! – Злодей склонился над трясущейся женщиной и грозно скрипнул зубами. – Я тебя последний раз спрашиваю – где она?

– Да кто же она-то?

– Шкатулка! – Произнеся это слово, бритоголовый на мгновение изменился, как будто из-под надетой на него страшной маски внезапно выглянуло настоящее живое лицо.

– Шкатулка? – удивленно переспросила Анна Павловна. – Это какая же шкатулка?

– Не знаешь какая? – выдохнул злодей, и лицо его стало прежним – страшным и непроницаемым, как маска. – Ты тут бесконечно ошивалась, высматривала и вынюхивала! Ты тут все знаешь – а про шкатулку спрашиваешь?

– Не... не знаю ни про какую шкатулку! – заверещала Анна Павловна, совершенно обмякнув, как спущенный воздушный шарик, и не сводя глаз со страшного незнакомца. – Чем хотите поклянусь, что не знаю!

– Похоже, что и правда не знаешь... – неожиданно согласился тот.

– Не знаю, не знаю... – обрадовалась женщина.

– Ну, раз не знаешь... – Бритоголовый полез в карман, и вдруг Анне Павловне стало так страшно, как никогда в жизни.

Она поняла, что больше не нужна и не интересна страшному незнакомцу и он поступит с ней так, как она сама поступает со всяким ненужным хламом.

– Обождите, обождите... – забормотала она. – Я вам скажу, кто мог взять ту шкатулочку...

– Ты же только что говорила, что ничего про нее не знаешь? – недоверчиво процедил бритоголовый, однако руку из кармана вытащил.

– А я догадалась, – Анна Павловна понизила голос, – я, значит, подумала и догадалась...

– Ты, значит, думать умеешь? – процедил злодей насмешливо. – Полезное качество! Ну, так говори, о чем ты там догадалась!

– Я скажу, я все скажу, я непременно скажу! Только вы уж... того... не обидите меня? Я женщина слабая, беззащитная, меня обидеть ничего не стоит!

– Да кто тебя обидит, тот трех дней не проживет! Ладно, не обижу, только уж говори скорей!

– К нему, значит, к Илье Васильевичу, – затараторила соседка, – Лариса ходила, сестра медицинская, уколы ему делала. Так вот она и прихватила ту шкатулочку... точно она!

– Ты уверена? – с сомнением переспросил бритоголовый.

– Точно она! – повторила Анна Павловна. – Она к нему за день до смерти приходила, то есть буквально накануне. Так вот, когда пришла – ничего при ней не было, а когда уходила – такой большой пакет несла... точно говорю, в самый тот день прихватила она вашу шкатулочку! Ну до чего же бессовестные люди попадаются!

– Откуда ты все это знаешь, насчет того, что она несла? – уточнил злодей.

– А я через глазок смотрела! А потом с ней на лестнице говорила! – гордо заявила соседка и с интересом осведомилась: – А что, дорогая шкатулочка-то?

– Дорогая, – мрачно подтвердил мужчина.

– Нет, но все же до чего бывают люди бессовестные! – повторила Анна Павловна и осторожно отступила к двери.

– Это точно! А куда это ты собралась? – Бритоголовый одной рукой снова ухватил ее за воротник, а другой вытащил из кармана шелковый шнурок.

– Я... домой... у меня там суп варится...

Злодей облизнул сухие узкие губы и ловким движением набросил на шею женщине шнурок.

– Вы же... вы же обещали, что не обидите меня... – забормотала Анна Павловна, трясясь от ужаса.

– Я передумал! – и он резко затянул шнурок на морщинистой шее старухи.

Корабль подошел к пристани. Расторопные любекские матросы перекинули на берег сходни, вперед по ним прошли слуги царевны, потом четверо крепких молодцов перенесли саму Софью в золоченых носилках.

Царевна молчала, лицо ее было бледно и неподвижно.

Все одиннадцать дней плавания из Любека в Колывань ее мучила морская болезнь.

Это было странно – ведь ей в прежние времена часто приходилось плавать на кораблях отца, на быстрых многовесельных генуэзских галерах с веселыми черноглазыми матросами. Но то было другое море, вернее, другие моря – густо-зеленое Адриатическое, бирюзовое Тирренское, небесно-синее Средиземное. Веселый ветер гнал по волнам кудрявые пенные барашки, срывал с них клочья пены, бросал в лицо. За кораблем следовали резвые любопытные дельфины, полуденное солнце посылало с небес свои горячие ласковые лучи. Здесь же и море, и небо были мрачными, свинцово-серого оттенка, жестокий ветер нещадно швырял тупоносую любекскую шхуну, как собака швыряет обглоданную кость. Немецкие моряки ходили вперевалку мрачные, озабоченные, переговаривались на своем лающем наречии, от них разило пивом и чесноком.

Служанка Милана то и дело меняла госпоже пропитанную уксусом головную повязку, но это помогало на минуту-другую, не больше.

Зоя не находила себе места, она молилась Пресвятой Богородице и святым Косимо и Дамиано и десятый раз спрашивала господина Димитрия, знатного грека из своей свиты, отчего нельзя было совершить путешествие посуху. И Димитрий десятый раз, с неисчерпаемым терпением истинного царедворца, напоминал ей, что Полония, через которую лежит сухопутный маршрут в Россию, находится сейчас в конфликте с мужем высокородной принцессы великим князем Московским Джiovанни и путь через нее может быть небезопасен.

Но вот наконец ужасное путешествие подошло к концу.

Носилки царевны пронесли по пристани. Она отдернула занавеску, взглянула на гавань, на теснящиеся у причалов ганзейские корабли, на суетящихся купцов. С ее корабля сгружали тяжелые сундуки с приданым – с одеждой и уборами, с посудой и утварью, а более всего – с книгами, вывезенными отцом из Константинополя...

На берегу толпились местные жители – немецкие купцы, важные и дородные, простолюдины – эсты, надеющиеся заработать пару грошей на разгрузке кораблей.

В этой толпе Зоя увидела смутно знакомое лицо – бритая голова, глубоко запавшие темные глаза, пристальный горячий взгляд... где-то она видела этого человека...

Зоя почувствовала смутное беспокойство, но странный незнакомец смешался с толпой, исчез.

Зоя с любопытством оглядывала Колывань, небольшой ганзейский город, который иначе именуют Ревелем или Таллином, – узкие улочки, мрачные дома с серыми стенами и маленькими подслеповатыми окошками, высокие шпили церквей. К кортежу заморской принцессы то и дело подбегали нищие, увечные, горбатые, хвастались своими язвами и уродствами, тянули руки за подаванием. Господин Димитрий, ехавший верхом рядом с носилками принцессы, бросал им несколько грошей, и нищие возились в грязи, отнимая друг у друга добычу.

Наконец кортеж прибыл на постоянный двор, расположенный подле доминиканского монастыря. Зоя вышла из носилок, прошла в отведенные ей покои. Служанки помогли ей переодеться, заглянул слуга господина Димитрия, спросил, не угодно ли высокородной принцессе спуститься в трапезную и отужинать.

Ужинать Зоя отказалась, выпила немного воды с вином и легла почивать.

Во сне она увидела огромную бедную страну, занесенные снегом нищие деревни, города с десятками белокаменных церквей, темные леса, заливные луга и полноводные реки. И по этой

земле, едва касаясь ее босыми израненными ногами, шла Пресвятая Богородица, благословляя ее, эту землю, и живущих на ней людей...

Утром София поднялась рано, помолилась, оделась в дорожное платье. Прежде завтрака к ней в покои вошел ее спутник, генуэзец Антонио Бонумбре, епископ Аччии. Папа отправил с ней епископа с особым поручением – обсудить с московскими властями и с митрополитом возможность воссоединения Церквей под верховной властью римского первосвященника. Всю дорогу епископ внушал Софии, что ее долг как истинной католички заключается в том, чтобы всеми силами способствовать заключению унии. И сейчас он пришел к ней с тем же самым разговором.

София выслушала его смиренно, как и подобает, но ничего не ответила. Она вспомнила свой сон, вспомнила ангельские голоса певчих в соборе Святой Софии в Константинополе. Православие – это вера ее отцов... и она почувствовала вдруг, что едет не в чужую, незнакомую, дику страну, а возвращается домой.

Однако продолжить путь в этот же день не получилось: на лошадей напала странная болезнь, пять или шесть сдохли ночью, еще три бесновались, на мордах у них выступила розовая пена. Господин Димитрий послал слуг за новыми лошадьми, а Софья со служанками отправилась на обедню в главный здешний собор, посвященный святому Николаю, называемый на языке эстов Нигулисте. Время пролетело незаметно, царевна поужинала со спутниками и отошла ко сну.

Однако ночь выдалась беспокойной.

В третью стражу Софья проснулась от какого-то шума.

Из-за двери доносились шаги и тревожные голоса, в узком окне мелькали отсветы факелов. Царевна разбудила служанку, велела ей выйти и узнать, в чем дело.

Девушка опасливо вышла в коридор, вернулась через несколько минут и доложила госпоже, что на постоялый двор пробрался вор, попытался украсть что-то из сундуков царевны, да бдительный грек, монах Анастасий поднял тревогу и вместе со слугами господина Димитрия прогнал вора, сейчас его ловят на дворе монастыря.

Софья выглянула в окно и увидела пробегающего по двору человека в монашеском облачении.

Неожиданно тот запрокинул голову, их глаза встретились.

На вора упал отсвет от факела, и царевна разглядела худое костистое лицо с глубоко запавшими глазами.

От взгляда этих глаз она почувствовала тревогу и темное, мучительное беспокойство.

Она вспомнила, что видела уже эти глаза – видела в толпе на пристани, когда ее переносили с корабля на твердую землю.

Незнакомец сверкнул глазами и прижал палец к губам – и царевна почувствовала укол страха.

Темная фигура скользнула к стене и растворилась во мраке. А двор наполнился слугами – с факелами и фонарями в руках они носились взад и вперед, натыкались друг на друга и кричали: «Держи вора!»

В эту ночь царевна больше не сомкнула глаз.

Прошло два дня. Лариса сидела за стойкой и перебирала карточки больных. Анна Павловна не звонила, зато Ларису подрядила делать курс уколов та самая мамаша с ребенком, что обратилась к отоларингологу. Мальчик очень боялся людей в белых халатах, а дома вел себя вполне адекватно, врач сама посоветовала его матери обратиться к Ларисе. Каждый раз, видя в сумке пустое место, Лариса вспоминала про тонометр и расстраивалась.

Дверь отворилась, и в холл клиники вкатилась бодрая старуха в коротком пальто в крупную клетку.

– Девушка, мне нужно сделать это... азу! – проговорила старуха, поправив сползающие на нос очки.

– Может быть, УЗИ? – переспросила Лариса с профессиональным терпением.

– АЗУ или УЗИ – какая разница? – фыркнула старуха. – Только побыстрее, я хочу успеть посмотреть сериал...

– А направление у вас есть?

– Направление? – Старуха взглянула на нее подозрительно. – А зачем вам направление?

– Как зачем? Я же должна знать, УЗИ каких органов вам требуется и какой у вас предварительный диагноз.

– Мне Елена Константиновна велела сделать это... АЗУ... или УЗИ чего-то малого... вроде посудина какая-то...

– Малого таза? – предположила Лариса.

– Вот-вот! – обрадовалась клиентка. – А сколько мне на этот малый таз денег понадобится?

Лариса назвала ей примерные цены на обследование. Старуха выпучила глаза и возмущенно воскликнула:

– Это почему же так много, если он малый? А сколько же тогда будет стоить большой? – Впрочем, она тут же спохватилась и затараторила: – У меня деньги вообще-то есть, но я еще хотела за конфетами зайти, потому что как же сериал без конфет...

– Извините, но у вас, насколько я понимаю, диабет, так что конфеты вам противопоказаны.

– Вот еще! – Старуха фыркнула, как разозленная кошка. – Если еще и без конфет, так зачем вообще жить?

– Так все же есть у вас направление? – попыталась остановить ее монолог Лариса.

– Где-то оно было... – Старуха открыла огромную хозяйственную сумку и погрузилась в нее с головой. Оттуда доносилось глухое недовольное бормотание.

Вдруг дверь клиники распахнулась, в нее ворвалась высокая черноволосая женщина с чересчур ярко накрашенными губами. Оттеснив старуху от стойки, она перегнулась через нее и прошипела:

– Сидишь? Довольна? Думаешь, тебе это сойдет с рук?

– Эй, гражданка, вы куда без очереди? – возмутилась старуха. – Не видите – я с женщиной разговариваю?!

– Усохни, плесень! – раздраженно бросила ей брюнетка и снова напустилась на Ларису: – Лучше сразу отдай!

– Женщина, вы вообще куда пришли? – удивленно осведомилась Лариса. – Это вообще-то медицинский центр «Долгий век», а если вам нужна полиция, так это напротив...

– Никакая полиция мне не нужна, я без нее отлично управлюсь! И тебе она тоже не поможет! И я прекрасно знаю, куда пришла, и знаю, кто ты такая! Дрянь подзаборная, вот ты кто!

– Женщина, психотерапевт сегодня не принимает! – Лариса сделала последнюю попытку мирно разрешить конфликт.

Все происходящее казалось ей каким-то бредом, театром абсурда. Вломилась в клинику какая-то сумасшедшая, требует неизвестно чего... Впрочем, она на своей работе всякого повидала...

– Сейчас же отдай то, что тебе не принадлежит – тогда, может быть, уцелеешь! А иначе – тебе никто не поможет!

– Если вы не прекратите, я сейчас вызову дежурного администратора! – Лариса повысила голос и приподнялась, высматривая вовсе не администратора, а охранника Витю, который, как обычно, пил кофе с лаборанткой Лизой в ее закутке.

– Отдай по-хорошему! – повторила брюнетка.

Из-под стойки вдруг вынырнула давешняя старуха, о которой Лариса успела уже благополучно забыть. Она победно сжимала в руке какую-то смятую бумажку:

– Вот же оно! Вот оно, направление! Я же знала, что оно там должно быть!

– Я тебе ясно сказала – усохни! – рявкнула на нее ненормальная брюнетка.

В дальнем конце коридора приоткрылась дверь, в коридор выглянул главный врач центра Мераб Автандилович Сахарадзе. Брови его были грозно нахмурены.

– Да кто вы такая и о чем вы вообще говорите? – проговорила Лариса, закусив губу и представляя, какой разнос ее ожидает. Мераб Автандилович не выносил шума и беспорядка.

– Я – родная племянница Ильи Васильевича Линевского и его законная наследница! И я требую, чтобы ты немедленно отдала мне то, что обманом выманила у умирающего невменяемого старика!

Наконец в происходящем появилась хоть какая-то логика, хоть какой-то смысл.

– Я у него ничего не просила! – возмущенно проговорила Лариса. – Он мне сам, чуть не силой ее отдал...

– Врешь! – шипела брюнетка и тянула к Ларисе через стойку руку с ярко-красным маникюром. – Врешь, мерзавка! Отдай сейчас же...

Лариса хотела сказать, что дурацкая шкатулка старика ей и даром не нужна и что противная брюнетка может ею подавиться, но тут вспомнила, что отдала эту шкатулку знакомому доктору Андрея Егоровича, так что сейчас никак не может ее отдать...

Но в это время диспозиция перед стойкой коренным образом изменилась. Старуха, до которой наконец дошел оскорбительный тон брюнетки, перешла в атаку. Она сжала свою сумку двумя руками и принялась лупить обидчицу по чему попало, приговаривая:

– Сама плесень! Сама усохни! А я не какая-нибудь, я ветеран системы народного образования! Я с такими хулиганами справлялась – не тебе чета! У меня Виталий Парашютов по струнке ходил! Ишь ты – плесенью она обзывается!

Сумка у старухи была тяжелая. Брюнетка пыталась заслониться от ударов, но в конце концов вынуждена была отступить к дверям. Оттуда она еще раз угрожающе крикнула Ларисе:

– Не думай, что сможешь присвоить чужое! Пока не отдашь – не будет тебе покоя!

Наконец она скрылась за дверью. Главный врач покачал головой и тоже вернулся в кабинет.

Боевая старуха перевела дыхание, отерла пот со лба тыльной стороной ладони и вернулась к стойке.

– Ну вот, нашла я это самое направление на АЗУ... то есть на УЗИ... в общем, которое мне Елена Константиновна выписала.

Лариса взяла у нее смятый листочек, разгладила и с удивлением прочитала:

«Направление на массаж хвоста и задних лап...»

– Бабушка, это тоже не то! У вас же, насколько я вижу, нет хвоста?

– Ой, это, значит, от ветеринара! – всполошилась старуха. – Это не мое, это Мурзика моего направление!

От приступа нервного хохота Ларису спас охранник Витя. Старуха уважительно оглядела его квадратную фигуру и поутихла.

После скандала с племянницей старика Лариса была не в своей тарелке, у нее тряслись руки и пальцы не попадали по клавишам компьютера. Кое-как разобравшись с энергичной старухой, она решила выйти на улицу и выкурить сигарету, чтобы успокоиться, благо больше посетителей пока не было.

Внутри клиники Мераб Автандилович категорически запрещал курить – он повторял, что персонал медицинского центра должен рекламировать здоровый образ жизни, а не отравляющие вещества, изготавливаемые табачными фирмами.

Впрочем, Лариса и сама курила немного – только когда ей, как сейчас, нужно было снять стресс.

Она вышла на крыльцо... и в глазах у нее помутилось: на скамейке напротив входа в клинику сидела коротко стриженная брюнетка, та самая скандальная племянница Ильи Васильевича.

Ничего себе – сняла стресс! Сейчас снова начнется скандал!

Лариса в растерянности застыла на пороге, а брюнетка вскочила со скамьи и подошла к ней. Лариса попятилась, схватилась за ручку двери, собираясь ретироваться, но племянница старика неожиданно мирным тоном проговорила:

– Ты меня уж извини, я так на тебя накричала... понимаешь, так расстроилась из-за дядиной смерти...

Лариса смотрела на нее с удивлением: казалось, перед ней совершенно другой человек! Никакой наглости во взгляде и голос не хамский.

– Все же верни мне то, что взяла у Ильи Васильевича, – продолжала брюнетка. – Мне это очень нужно. Семейная реликвия...

– Да ради бога! – ответила Лариса.

Старая шкатулка ей была совершенно не нужна, и она вовсе не собиралась ломать из-за нее копыя. Непонятно только, зачем было сначала так скандалить, попросила бы сразу по хорошему...

– Так что – отдашь? – Брюнетка смотрела на нее с надеждой.

– Да конечно отдам. Только сейчас ее у меня нет, а завтра я не успею... послезавтра, ладно?

– Послезавтра? Нет, мне нужно завтра! – Брюнетка смотрела на нее почти умоляюще.

– Ладно, только ты уж на работу ко мне не приходи – начальство будет недовольно. Встретимся на нейтральной территории...

– Где же? – живо спросила брюнетка.

– Кафе на проспекте знаешь? «Сластена», это на углу... Вот там завтра в два часа, как раз перед работой я успею...

– Принеси ее, а не то... – Глаза брюнетки угрожающе блеснули, но она тут же опомнилась и даже сделала попытку улыбнуться Ларисе на прощанье. Попытка не удалась.

Дальше рабочий день покатился по обычной колее: посетители пошли потоком, среди них попадались разные чудачки – до кого плохо доходили самые обычные слова, кто скандалил без всякого повода, одна женщина еле понимала по-русски, так что Лариса выбросила из головы шкатулку покойного старика и его же скандальную племянницу. Только в самом конце рабочего дня она снова вспомнила про свой тонометр, про разговор с соседкой Ильи Васильевича и набрала номер Анны Павловны.

Телефон ее не отвечал.

Лариса решила ехать наудачу – тонометр хороший, дорогой, и ей он очень нужен, завтра утром ей на укол к больному ребенку.

Подъехав к знакомому дому, она нажала на кнопку домофона. Загорелся сигнал ответа, и она поспешно проговорила:

– Анна Павловна, это Лариса! Откройте, пожалуйста...

Ей никто не ответил, но послышался щелчок и дверь открылась.

Поднявшись на четвертый этаж, Лариса опасливо покосилась на дверь Ильи Васильевича. На двери была наклеена бумажка с лиловой официальной печатью.

Она вздохнула, подошла к соседней двери, хотела нажать звонок и тут увидела, что дверь приоткрыта. Лариса почувствовала странное беспокойство.

Хотя... что тут такого? Она же позвонила снизу, вот соседка и открыла дверь...

Лариса открыла дверь пошире, нерешительно шагнула в прихожую и крикнула в глубину квартиры:

– Анна Павловна! Я пришла, у вас дверь не заперта...

Вдруг из кухни появился сутулый мужчина лет сорока с редкими бесцветными волосами, кое-как прикрывающими череп, и пристальным взглядом маленьких, близко посаженных глаз.

Лариса отшатнулась от него и испуганно проговорила:

– Вы кто? А где Анна Павловна?

– Я-то известно кто, – ответил ей лысоватый мужичок. – Я-то капитан Уклеikin из семнадцатого отделения, а вот вы кто такая?

– Из отделения? – растерянно переспросила Лариса. – В смысле из милиции?

– Вообще-то теперь мы называемся полицией, – уточнил капитан и показал Ларисе раскрытое удостоверение.

Буквы плясали у нее перед глазами, однако Лариса сумела разглядеть фотографию – редкие бесцветные волосы, маленькие невыразительные глазки...

– Будем считать, что я вам представился, – протянул капитан, убирая удостоверение. – А как насчет вас?

– Я – Сомова Лариса... то есть Лариса Петровна...

– А документы у вас имеются, Лариса Петровна?

Лариса открыла сумочку, дрожащими руками достала оттуда паспорт, протянула капитану. Тот внимательно с ним ознакомился, сверил фотографию с оригиналом, нашел страницу с регистрацией и только тогда вернул паспорт Ларисе.

– Хорошо, Лариса Петровна, с этим все ясно. Теперь объясните цель вашего визита к хозяйке этой квартиры.

– А где она сама? – спохватилась Лариса. – Где Анна Павловна?

– Вообще-то это я задаю вопросы. И я свой вопрос уже задал. Итак, какова цель вашего визита?

– Ну, Анна Павловна мне обещала отдать одну вещь... – пробормотала Лариса неуверенно.

Собственно, соседка собиралась незаконно войти в квартиру покойного Ильи Васильевича, так что сообщать об этом полицейскому не стоит...

– Какую вещь? – не отставал от нее упорный капитан.

– Так где же все-таки Анна Павловна?

– Дело в том, Лариса Петровна, что гражданка Уткина находится в морге.

– Где?! – переспросила Лариса, недоверчиво и удивленно уставившись на капитана.

– В морге, – повторил полицейский.

– Как это? Я же с ней совсем недавно разговаривала...

– Тем не менее Уткина умерла. Точнее, ее убили.

– Как?! – Лариса покачнулась, и капитан Уклеikin ловко подставил ей табуретку.

– Да вот так... – проговорил он мрачно. – Не знаете, как людей убивают? Покойников никогда не видели?

– Видела, – медленно проговорила Лариса, – я ведь по специальности медсестра.

– Очень хорошо! – преувеличенно обрадовался капитан. – Стало быть, в обморок не будете падать?

– Да с чего мне, – Лариса пожала плечами, – я ее близко не знала...

– Тогда пойдемте в комнату, там поговорим.

В комнате у Анны Павловны был ужасающий беспорядок. Шкаф раскрыт, и вещи выброшены на пол. Кровать разорена, матрас скатан, подушки, простыни, одеяла комом. Скатерть сброшена со стола вместе с вазой, в которой стояли, надо думать, вон те искусственные цветы, что валяются сейчас мятые на полу. Земля из горшков вывалена на подоконник, рядом засыхают цветы.

– Что вы тут искали? – повернулась Лариса к капитану.

– Да не я это, – ответил Уклеikin с досадой, – так уже было. Все же ответьте – зачем вы пришли к потерпевшей?

– А ее где убили – на кухне или в ванной? – уклонилась от ответа Лариса.

– А почему вы думаете, что не здесь? – Очевидно, капитан принял ее игру и тоже решил отвечать вопросом на вопрос.

Ларисе внезапно стало скучно. Ей надоел этот пустой разговор с капитаном, она устала и хочет домой. С тонометром придется проститься, так что сейчас нужно поскорее отсюда убираться.

– Ни крови, ни следов в комнате, – устало сказала она, – в прихожей я была, там все в порядке.

Далее, не давая капитану вставить ни словечка, она быстренько поведала ему про Илью Васильевича, про злополучный тонометр и про то, что старуха обещала тихонько наведаться в квартиру к соседу и поискать там этот треклятый тонометр.

– Ну, кое-что мне стало ясно, – сказал капитан, внимательно выслушав Ларису, – стало быть, пошла она в ту квартиру и наткнулась на вора. Он ее и...

– Господи, но убивать-то зачем? – изумилась Лариса. – Ну пугнул, толкнул, да и убежал, стала бы старуха с ним бороться...

– Ваше замечание справедливо только в том случае, – сказал капитан, – если бы потерпевшая не знала вора в лицо. А если это был знакомый человек?

– Да к нему никто не ходил! – ляпнула Лариса.

– А вы? – вкрадчиво спросил капитан.

Ах, вот как! Ларисе этот тип сразу не понравился – его витиеватые речи никак не сочетались с маленькими пронзительными глазками-буравчиками. А теперь он еще и убийство Анны Павловны задумал на нее повесить! Чужь какая!

– Давайте, – спокойно сказала Лариса, – может, я и Илью Васильевича отравила? А потом пришла его квартиру грабить. Только брать-то там было нечего.

– Но ведь что-то же убийца там искал, – серьезно сказал Уклеikin, – причем очень тщательно. Комната вся вверх дном перевернута, вот как здесь.

– То есть она его застала, он ее...

– Задушил. Задушил шелковым шнурком... А потом пришел сюда и тоже всю квартиру обыскал...

– С ума сойти... – непослушными губами выговорила Лариса.

– Насчет гражданина Линеvского к вам претензий никаких нету, – как ни в чем не бывало продолжал капитан, – медики однозначно сказали – умер своей смертью. От старости. Ну, и старуху вряд ли сумели бы вы придушить.

– У него сердце большое было... Слушайте, если у вас все, я бы домой пошла, – устало сказала Лариса, – только смену отработала, замоталась сегодня.

– Не стану вас больше задерживать, – покладисто согласился капитан, – однако... как бы это так помягче выразиться... У меня сложилось впечатление, что покойная гражданка Уткина была... скажем так, нечиста на руку.

– С чего вы взяли? – делано возмутилась Лариса.

– А вот с чего. – Капитан поставил на стол серебряную избушку, потом наклонил. Из крошечной серебряной же трубы на стол посыпался молотый перец.

– Узнаете вещицу?

– Ну да... – неуверенно ответила Лариса, – у Ильи Васильевича была такая перечница.

– Верно, была. А вот эту я нашел здесь. – Он поставил рядом такую же избушку, только без трубы, зато с дырочками в крыше. Лариса узнала ту солонку, которую в свое время поперла Анна Павловна, не тем будь помянута, и молча пожала плечами.

– Очень тщательно квартиру обыскивали, – вполне человеческим голосом сказал капитан, – не простой это был ворюга. Искал он что-то конкретное. Вы не знаете что?

– Спросите у родственников. – Лариса снова пожала плечами.

– А нет никаких родственников. У старика, я имею в виду, – ответил Уклеikin, – один он был как перст. Квартира не приватизирована, государству отойдет, никаких распоряжений не оставлено, завещания тоже нету. Конечно, полгода нужно ждать, вдруг кто объявится, но пока двери вон опечатали.

На прощание капитан Уклеikin записал ее телефон и сказал, что обязательно вызовет ее для записи показаний.

Проснувшись утром, Лариса против обыкновения осталась в постели и принялась размышлять.

Жалко, конечно, Анну Павловну – никому не пожелаешь такой смерти, но старуха была вороватая и явно не за тонометром потащилась в квартиру соседа. Дело, в общем, темное, ясно только одно: нет в обозримом пространстве никаких родственников, старик был одинок, как дуб среди долины ровныя, уж полиция-то точно знает. Да и у Ларисы сложилось такое впечатление, а она при своей работе такие вещи сразу просекает. Кто же тогда та женщина, что приходила к ней на работу и представилась племянницей покойного старика? Никто, аферистка и врунья. А учитывая убийство старухи соседки, нужно от нее держаться подальше. Темное, нехорошее дело.

На следующий день с утра она пробежала по магазинам, искала осенние сапоги. Вроде бы и полно обуви на полках, а подходящую не сразу найдешь. Так что она вспомнила о том, что липовая племянница ждет ее в кафе, слишком поздно.

Лариса взглянула на часы. До начала работы оставалось полтора часа. Не хватит времени, чтобы заехать домой, но она как раз успеет отфутболить наглую бабу. Еще хорошо бы успеть выпить чашку кофе и что-нибудь съесть, а то потом до конца смены с голоду помрешь...

Она вошла в кафе, села за угловой столик, откуда хорошо просматривался вход, и заказала большую чашку кофе с молоком и горячий бутерброд с ветчиной и сыром.

Под соседним столом вдруг появилась чистенькая белая кошка. Она непринужденно улеглась и принялась старательно умываться, искоса поглядывая на Ларису.

Как только официантка принесла ее заказ, в дверях кафе появилась знакомая брюнетка. Она обежала кафе взглядом в поисках Ларисы. Лариса ей не стала помогать – не вскакивала с места, радостно размахивая рукой, не подавала никаких сигналов. Что они – подружки, что ли? Тебе надо – ты и ищи.

Наконец брюнетка заметила Ларису и направилась к ней через кафе. По дороге она налетела на официантку с подносом, сама же ее обругала и, молча плюхнувшись на свободный стул, уставилась на Ларису мрачным неприветливым взглядом.

Лариса, не говоря ни слова, откусила от бутерброда и попыталась проглотить, но под тяжелым взглядом брюнетки кусок буквально не шел ей в горло.

Кошка из-под соседнего стола переместилась поближе и теперь с живейшим интересом наблюдала за Ларисиним бутербродом.

Лариса собрала с духом, отставила тарелку и уставилась на брюнетку так же неприветливо, как та на нее.

Так они несколько минут играли в гляделки. Наконец брюнетка первой открыла рот и неприязненно проговорила:

– Принесла?

– Это вместо «здравствуйте»? – отозвалась Лариса.

– Обойдешься. Принесла?

– И не подумала. – Лариса взяла себя в руки и отпила глоток кофе.

На этот раз дело пошло лучше, и она принялась за бутерброд.

Брюнетка же задохнулась от злости и, закусив губу, с ненавистью смотрела на свою соседку.

Один – ноль, подумала Лариса, доедая бутерброд.

Кошка следила за ней разочарованно, Лариса вовремя спохватилась и бросила под стол последний кусочек ветчины.

Наконец фальшивая племянница справилась с переполнявшими ее эмоциями и прошипела:

– Много о себе возомнила? Думаешь, тебе это сойдет с рук?

Лариса взглянула на кошку и задумчиво проговорила:

– Еще, что ли, заказать? Вкусно они здесь готовят. Тебе, кстати, тоже не помешает, а то от злости совсем исхудала. Скоро сможешь просачиваться в замочные скважины...

– Заткнись! – оборвала ее брюнетка.

– С чего бы это? – Лариса поискала глазами официантку. – И вообще, с какой стати я тебе что-то должна отдавать? Снова будешь мне заливать, что ты племянница Ильи Васильевича?

Брюнетка насторожилась, в ее глазах впервые проступила неуверенность.

– Что ты хочешь сказать? – процедила она, выдернув из пачки бумажную салфетку и машинально складывая ее вдвое, потом вчетверо.

– То и хочу! У старика не было никаких родственников, так что ты имеешь на его вещи не больше прав, чем эта кошка!

Кошка, услышав, что говорят о ней, удивленно подняла уши и вопросительно взглянула на Ларису.

– Кто тебе это сказал? – фыркнула брюнетка. Однако в ее голосе не было прежнего куража.

– Кто сказал? – Лариса перегнулась через стол и проговорила, выделяя голосом каждое слово: – Капитан милиции Уклеikin. Точнее, сейчас этот орган называется милицией. Ну что – удовлетворена?

Брюнетка молчала, переваривая ее слова.

– Может быть, тебя интересует, по какому поводу я общалась с капитаном Уклеikinым? – продолжила Лариса, развивая свой успех. – По поводу убийства соседки Ильи Васильевича, Анны Павловны Уткиной. Твоя работа? Честно говоря, неприятная была тетка, но это еще не повод, чтобы ее убивать!

Кошка опасливо взглянула на Ларису и удалилась в сторону барной стойки. Так, на всякий случай. Эти двое явно собираются скандалить, еще в процессе ногой пнут и не заметят. Ей, кошке, это надо?

– Я не имею к этому никакого отношения! – пробормотала разоблаченная аферистка.

– А вот это ты и расскажешь капитану Уклеikinу! – добила ее Лариса. – И посмотрим, поверит он тебе или нет!

– Чего ты хочешь? – на этот раз в голосе брюнетки звучал страх. Салфетка в ее руках превратилась в крошечный квадратик не больше почтовой марки.

– Я хочу, чтобы ты от меня отвязалась! – отчеканила Лариса. – Я хочу, чтобы ты забыла мое имя, а медицинский центр, где я работаю, вообще обходила стороной! Мне только неприятностей на работе не хватает! Поняла?

Брюнетка молчала, и Лариса добавила на всякий случай:

– Если еще раз тебя увижу – сейчас же позвоню Уклейкину и расскажу про все твои фокусы! Уж он обрадуется, что убийца нашлась!

– Я старуху не убивала, – сдавленным голосом пробормотала брюнетка.

– С этим не ко мне, с этим в полицию, они разберутся, – мстительно ответила Лариса.

Брюнетка помолчала, потом махнула рукой проходившей мимо официантке и заказала двойной эспрессо и печенье из овсяной муки грубого помола.

– Тебе черный кофе пить нельзя, ты и так слишком нервная! – ехидно проговорила Лариса и достала кошелек, чтобы расплатиться за кофе.

– Подожди! – остановила ее брюнетка.

– Я с тобой кофе пить не собираюсь! – сообщила ей Лариса. – Я сказала все, что хотела, и ухожу!

– Подожди! – повторила «племянница» и выразительно покосилась на официантку.

Как только та отошла от стола, брюнетка проговорила вполголоса:

– Слушай, извини, что я на тебя так наехала... и что выдала себя за племянницу...

Лариса молча ожидала продолжения.

– Надо мне было сразу по-другому к тебе подойти... понимаешь, мне очень нужна эта шкатулка. Давай договоримся – ты мне ее отдашь, а я тебе заплачу. Я тебе заплачу очень хорошие деньги!

Лариса молчала, и ее собеседница продолжила наступление:

– Эта шкатулка сама по себе не имеет большой ценности, никто не заплатит тебе за нее больше меня!

Лариса по-прежнему молчала.

– Может, ты думаешь, что я тебя хочу обмануть?

– А что – разве не хочешь? По-моему, до сих пор ты именно это и делала!

– Но теперь я говорю правду! Если хочешь, мы можем пойти с тобой к любому антиквару, спросить, сколько она может стоить, и я заплачу тебе гораздо больше! Или просто назови свою цену!

Лариса хотела резко ответить, но брюнетка сделала предупреждающий жест: к их столику подошла официантка. Пока она ставила на стол кофе и блюдечко с печеньем, Лариса напряженно размышляла.

Судя по тому, как нервничает ее собеседница, шкатулка ей очень нужна. И зачем только людям такое старье? Но денег обещает заплатить. Хотя врет, наверное. Вспомнив о жуткой смерти Анны Павловны, Лариса уверилась в своем решении держаться от подозрительной брюнетки подальше.

Официантка отошла, и тогда Лариса раздраженно проговорила:

– Все равно ничего не выйдет. У меня нет этой шкатулки.

– Нет?! – вскрикнула брюнетка, в отчаянии заломив руки. – Как нет? Почему нет?

– Очень просто. Я ее выбросила.

– Как выбросила? Куда выбросила? – Брюнетка заметно побледнела, на мертвенно-бледном лице чересчур красные губы проступили, как кровавая рана, и женщина стала похожа на второстепенный персонаж из фильма про вампиров.

– На помойку! – отчеканила Лариса, положила на стол деньги, поднялась из-за стола и вышла из кафе, чувствуя спиной полный ненависти взгляд лживой брюнетки.

Выйдя из кафе, Лариса выбросила из головы всю историю со шкатулкой и противной брюнеткой. Эта женщина ей теперь не опасна, Лариса сумеет за себя постоять.

День катился своим чередом, сегодня все было тихо-мирно, даже Эльвира не цеплялась к ней по пустякам. Посетители попались спокойные, никто не орал и не требовал невозможного.

Лариса тоже была ровна и приветлива со всеми, ее грела мысль, что завтра выходной. Можно поспать подольше, не спеша выпить кофе, затем убрать в квартире, включив телевизор, чтобы не было скучно, потом прогуляться не спеша по магазинам и вечером приготовить себе что-нибудь вкусненькое.

Она улыбнулась Андрею Егоровичу, который, улучив минутку, подошел к ней поболтать. Доктор выглядел смущенным. Он топтался на месте и оглядывался по сторонам. В холле никого не было, и это придало ему смелости.

– Слушай, у меня к тебе просьба, – наконец решился доктор, – ты не могла бы... ну, проехать со мной в одно место...

Лариса подняла брови. Это что-то новенькое, уж не свидание ли ей Андрей назначает? В конце коридора открылась дверь, и выглянула Эльвира. Андрей страдальчески поморщился, как будто у него внезапно заболел зуб.

– Говори толком, – приказала Лариса, – не тяни время.

– В общем, насчет той шкатулки, – доктор заговорил более твердо, – отвез я ее Вовке, он прямо расцвел весь. Все это время с ней возился, очень она его заинтересовала, удалось ему ее отчистить – говорит, антикварная вещь, дорогая. И он хотел бы с тобой поговорить.

– Да я ничего не знаю, – тут же открестилась Лариса.

– Ну, хоть что-то ты можешь сообщить – кто был прежний хозяин, где он сейчас...

– Он умер, – заторопилась Лариса, – понятия не имею, зачем он отдал мне эту шкатулку...

– Ну вот и скажи Вовке об этом сама! – прервал ее Андрей.

Эльвира вышла в коридор и медленно пошла к ним.

Если бы на месте Андрея был другой мужчина, она без колебаний бы подошла и пресекла их общение. Видно же, что люди не по делу разговаривают, а о личном. Хотя никто ей этого не поручал, Эльвира считала своим долгом блюсти моральный облик сотрудников. И не в том даже дело, что у Андрея Егоровича жена и две дочери, а Лариса дважды разведена и на данный момент женщина свободная. Даже если оба свободны, на работе шуры-муры разводить нельзя, это расслабляет сотрудников и создает легкомысленную атмосферу. Поэтому, как только Эльвира замечала, что двое остались наедине хоть бы даже и в насквозь просматриваемом холле, она тут же спешила вмешаться.

Исключение составляли охранник Витя и лаборантка Лизавета. Что уж они там делали в Лизаветином закутке, все подозревали, что не только пили чай в рабочее время, но Эльвира и пикнуть не смела, поскольку боялась Витинового квадратного вида. А доктора Андрея Егоровича она не то чтобы побаивалась, но сильно уважала – пришла как-то раз вся скособоченная, говорит, повернулась неудачно, спина прямо разламывается. Доктор тут же в холле как-то ее развернул, что-то там нажал – и все, поскакала Эльвира как горная козочка.

Поэтому сейчас, подходя, Эльвира заранее сложила губы в слащавую улыбку.

– Ну, поедем сегодня после работы? – быстро спросил Андрей. – Я тебя отвезу. Соглашайся, от тебя не убудет, познакомишься с интересным человеком!

– Сегодня не могу, – так же быстро ответила Лариса.

Не хватало еще тащиться куда-то после работы. Заканчивают они в девять, пока доедешь, да после смены она никакая. К тому же если Эльвира увидит, что они куда-то едут вместе с Андреем, загрызет Ларису насмерть. Пойди потом доказывай, что он просто так подвез, что не имеет насчет него Лариса никаких грешных мыслей. Но Андрей Егорыч – мужик хороший, нельзя ему отказать.

– Ты скажи, что я завтра подъеду, – улыбнулась Лариса, – адрес его на телефон мне пошли. Днем где-то, часа в три или позже.

– Да он все равно дома сидит! – Андрей повеселел и удалился, послав Ларисе воздушный поцелуй.

Эльвиру она встретила самым невинным выражением лица, так что та чуть не споткнулась на ровном месте.

Однако настроение почему-то упало. Лариса ехала домой в маршрутке и ощущала сильнейшее недовольство собой. Зачем-то согласилась завтра ехать к этому инвалиду. И так у нее выходных мало – не два, как у всех, а один в неделю, и тот скользкий, так теперь еще нужно потратить полдня на дурацкий визит. Она не может себе позволить заниматься благотворительностью, не в том она положении. Никто ее содержать не собирается и наследства не от кого ждать. Однако, прислушавшись к себе, она поняла, что дело не только в этом. Какой-то неприятный осадок остался после разговора с Андреем, крошечная зацепочка.

Лариса наскоро проанализировала их разговор и все поняла. Ну да, вот тут, когда он сказал «от тебя не убудет», а в мыслях, верно, добавил: «Что у тебя – семеро по лавкам, что ли, все равно в выходной делать нечего...» Приличный человек, удержал в себе эти слова, да и вообще обидеть Ларису не хотел. И ведь прав он, потому что в свои тридцать два года могла бы она иметь собственную семью и не куковала бы сейчас одна как перст.

И ведь получается, что и тут мамочка ей подгадила. Мамочка, которую она воочию видела один раз в жизни.

Тогда, после того как прислала она сто долларов из своей Америки с оказией, бабушка, прочитав письмо, выругалась неприлично. Лариса оторопела – никогда в жизни она от бабушки таких слов не слыхала. А бабушка прижала Ларису к себе и сказала, что проживут они сами по себе, раз никому не нужны. Но в голосе ее не было уверенности.

Прошло еще какое-то время, и явился отец.

Театр там, в Сибири, совсем разорился, отец работал где придется – на приисках, бичевал в порту и сильно подорвал здоровье. Устроился в газовую котельную оператором и стал пить. Сначала потихоньку, стесняясь Ларисы, потом в открытую. Годы шли, а перед окончанием школы неожиданно умерла бабушка. Вроде и не болела, ни на что не жаловалась, а вдруг слегла и пролежала-то всего неделю.

После похорон отец совсем рехнулся. Плакал, рвал на себе волосы, пил без просыпу и даже начал выносить кое-что из дома, хотя, видит Бог, и тащить-то у них было нечего. Лариса школу кое-как закончила и поступила на второй курс медицинского училища – больше никуда с ее оценками не попасть было.

Жизнь тогда была у нее хуже некуда. Дома нищета страшная, отец вечно пьяный, в квартире его дружки ошиваются, убирай не убирай – всегда свинарник. Сколько раз хотела с собой покончить от такой беспросветности! Один раз градусник разбила, хотела ртуть выпить, другой раз уже на окно встала, да передумала. Нагляделась на практике в больнице на самоубийц несостоявшихся, которые калеками на всю жизнь остались, только это ее и удержало.

Парень, протискивающийся к выходу, сильно наступил ей на ногу, и Лариса очнулась от горьких мыслей и выругала себя. Что за манера – копать в прошлом, ни к чему хорошему это никогда не приводило. Вот сейчас едва не проехала свою остановку.

– Подождите! – крикнула Лариса и выскочила вслед за парнем.

Тот ее не заметил и больно стукнул дверью маршрутки.

Дома было пусто и тихо. Лариса включила телевизор, чтобы не находиться в этой гулкой тишине. Хотелось есть, и она решила отварить макароны. И даже взяла себя в руки и приготовила к ним соус с сыром и помидорами. Усевшись в комнате перед телевизором в халате, она поставила тарелку на колени и пощелкала пультом.

И тут же выругалась, потому что по одной программе показывали ток-шоу, которое вела старшая сестричка, Ксюша. По другой шел бесконечный сериал с младшей сестричкой, Лушей. Потом была какая-то мура про еду и ремонт, потом спортивный канал, который Лариса никогда не смотрела, а по ретро-каналу шел старый фильм с мамочкой в главной роли, тот самый, после которого в прессе ее стали в один голос звать «русской Катрин Денёв».

– Черт знает что! – громко сказала Лариса. – Они меня достали!

Аппетит пропал. Она вяло поковыряла макароны и отставила тарелку. Внезапно напала жуткая апатия, лень было даже пойти на кухню за чаем. Хорошо бы успокоиться, но в квартире она не курила, а спиртного не пила никогда, даже запаха не выносила – полностью отвратило ее, когда с отцом возилась.

Что ж, она отдает себе отчет, что стала законченной неврастеничкой. Но пить транквилизаторы тоже не хочется – она все-таки медик, знает, что ни к чему хорошему это не приведет. Ходила даже она как-то к психоаналитику – был такой у них в центре, только недолго проработал. Дал совет – не бежать от неприятных воспоминаний, не гнать их от себя, не прятать голову в песок, как страус, а честно и открыто встретить их лицом к лицу – дескать, вот она я, берите меня, делайте что хотите. Да, все это со мной было, и с этим я теперь буду жить.

Что ж, возможно, в этом есть своя сермяжная правда, подумала Лариса, вытягиваясь на диване. Звук у телевизора она выключила, и теперь на экране крупным планом была мамочка. Она раскрывала рот и говорила какие-то хорошие и правильные слова своему киношному возлюбленному, глаза ее сияли, полные губы шевелились.

Лариса отвернулась от телевизора и вспомнила, как эти губы были плотно сжаты, как будто мамочка жалела для нее слова, только шевелилась изредка возле них брезгливая складка.

Когда Лариса закончила медицинское училище, отцу в пьяной драке проломили голову бутылкой, и он умер в больнице через три дня, не приходя в сознание.

Как-то она со всеми скорбными делами разобралась, помогли люди с работы, выбросила кровать отца, его немногочисленную одежду и стол, за которым собиралась пьяная компания. И вздохнула свободно. Показалось даже, что теперь начнется у нее новая, лучшая жизнь.

И как раз случился у них в городе какой-то кинофестиваль, на который приехала мамочка. Она давно уже вернулась из Штатов, и муж ее к тому времени умер, она успела даже побывать замужем за каким-то художником. Лариса как узнала про это, так и решила, дурочка, что это судьба. Обязательно должно произойти воссоединение семьи. И все будет хорошо. В общем, размечталась.

Тогда, конечно, не так, как сейчас, охраны особой мамочке не полагалось, но в гостиницу Ларису не пустили, даже номера телефонного не дали. Но пробрались они с подружкой на показ фильма, а после подошли к артистам, когда они автографы давали.

Ясное дело, мамочка ее не узнала. Откуда бы, если видела ее живьем только в младенчестве? А у Ларисы язык к гортани прилип, слово «мама» не выговорить никак. Еще бы, не привыкла ведь... Как выяснилось, все к лучшему оказалось, потому что подружка тут встряла – это, говорит, Лариса, она – ваша...

Надо мамочке отдать должное – мигом все просекла. Ларису за руку схватила, в щеку ткнулась – ах, милая, как тебя рада видеть! А сама шепчет – приходи вечером ко мне в гостиницу, а тут не болтайся. И ушли они все. А к Ларисе один такой скользкий типчик подскочил с фотоаппаратом. Кто вы, да откуда Людмилу Ионовну знаете?

Еле отвязалась от него Лариса и в гостиницу пошла уже одна, без подружки. Мамочка дверь открывает в халате, но полностью накрашенная, смотрит неприветливо. Губы сжала, как будто для Ларисы и слов ей жалко. Номер большой, двухкомнатный. На столе фотография стоит – две девочки, дочки ее. Хорошенькие, разодетые в пух и прах.

А Лариса вдруг свое отражение в большом зеркале увидела и обомлела. Джинсы вытертые, свитерок китайский, волосы висят, как неживые, под одним глазом тушь дешевая размазана.

И подглядела в зеркале Лариса мамочкин взгляд. Брезгливый такой, досадливый – дескать, вот неприятность некстати возникла.

Тут позвонил кто-то, мамочка поговорила на повышенных тонах, потом трубку бросила. И посмотрела колючим взглядом, бросила вопрос какой-то, как, мол, живешь? Никак ее не

назвала – ни дочкой, ни по имени. И Лариса ее мамой ну никак назвать не может. Еле выговорила, что отец умер и теперь она живет одна. Мамочка вышла на минутку в спальню и выносит оттуда две бумажки зелененькие. Сунула их Ларисе и говорит, что ей вообще-то некогда, время все расписано по минутам, сейчас срочно уходить нужно на прием в Дом кино. А завтра она уезжает.

Ты, говорит, сейчас иди, да не болтай там с журналистами, кто ты да что. И между делом за дверь ее выпихнула. Лариса стоит в полном обалдении, потом деньги в руке увидела – две-сти долларов мамочка не пожалела. Сунула, чтобы отвязаться, как будто не родной дочери, а побирушке вокзальной. А какая разница? Только в количестве денег. Да разве Лариса за этим приходила? Она в глаза матери поглядеть хотела и спросить, за что же та ее из своей жизни выбросила? И ладно бы вообще детей не любила, так нет, родила двух дочек, любит их, балует... А на Ларису ей и слова ласкового жалко.

Хотела Лариса деньги вернуть, да такая слабость накатила, слезы текут, к ногам будто гири пудовые привязали. И тут на выходе в холле гостиницы перехватил ее тот журналиста, что на показе был. Слонялся там, все высматривал, вынюхивал. Ну, Лариса ему просто как с неба упала. Пристал как банный лист, в кафе затащил, утешает, по ручке гладит. Кофе заказал, пирожных. Влез, в общем, в душу, это они умеют. И рассказала ему Лариса все как есть, всю свою жизнь в деталях и подробностях. И не спяну на нее такой приступ откровенности напал, никогда в рот спиртного не брала, даже от пива ее тошнит. Уж очень расстроилась после своего визита к мамочке. Хотя чего и ждать-то было? Но вот надеялась на что-то, молодая была, глупая...

А дня через два прибегает к ней подружка – та самая, с которой на показе были. И тычет в нос газету. А там... мама дорогая! Целая страница, и все про мамочку. И как она ребенка новорожденного бросила чуть не в роддоме, и как мужа первого до смерти довела – якобы он от неразделенной любви страдал и умер, и про то, как Лариса с бабушкой едва не с помойки питались. Наврал, в общем, журналиста этот, как хотел, не так ему Лариса рассказывала. И щелкнуть сумел Ларису всю зареванную. Вид и правда несчастный и больной.

Только Лариса статью прочитала – звонок телефонный из Москвы, мамочка на проводе. Тоже там у себя газету прочитала и как начала орать. Как только Ларису не обзывала, сначала просто дрянью и сволочью, а потом и вовсе непечатные слова пошли. Потом говорит, что знать Ларису не желает, как будто раньше сильно дочерью интересовалась.

Ах так, Лариса думает, ну ладно, узнаешь ты меня! И пошло-поехало. Статья-то большого шума наделала, мамочка тогда популярной была. Этим журналистам только дай факты жареные, разнесут по всей стране, от себя присочинят, у них работа такая. А тут тема лакомая – просто мексиканский сериал, дочка, брошенная в младенчестве. Ну и начали к ней обращаться то из одной газеты, то из другой, в журнал толстый с фотографиями, на радио, на телевидение даже к Малахову приглашали, только Лариса не смогла поехать, заболела тогда воспалением легких. Наговорила тогда Лариса много лишнего. Сейчас-то понимает, что неправильно поступила, но не было рядом никого поумнее, кто посоветовал бы промолчать. Не зря народ говорит, что ни к чему сор из избы выносить, только себе хуже сделаешь.

Так и вышло. Мамочке-то эта история только помогла, рекламу бесплатную сделала. Хоть с мужем-художником она развелась, стали ее приглашать сниматься в сериалах, деньги, видно, пошли хорошие, она их на свою внешность тратила, пригласили передачу на Первом канале вести. Давала она и ответные интервью, где мужа своего первого, отца Ларисы, просто грязью поливала – и бил-то он ее, и заниматься любимым делом не давал, и ребенка тайком увез. Лариса за отца обиделась, тоже в ответ про мамочку пару ласковых слов сказала, в общем, несколько месяцев такое продолжалось, а потом все затихло, упал интерес публики. Только Ларисе все это боком вышло.

Она вытянулась на диване. Нет, плохим специалистом был тот психоаналитик, что советовал не бежать от воспоминаний, как переберешь все – такая тоска накатывает.

Тем не менее Лариса заснула крепко и утром спала долго.

Старик экскурсовод откашлялся, оглядел посетителей и продолжил простуженным голосом:

– Инквизиция – специальный судебный орган католической церкви в Средние века, созданный для борьбы с еретиками и инакомыслящими. Инквизиция была учреждена римским папой Иннокентием Третьим в начале тринадцатого века, первоначально для борьбы с альбигойской ересью на юге Франции, но позднее она распространилась и на территорию Италии, а затем инквизиторские трибуналы были созданы в Италии, Германии, Испании, Нидерландах и Португалии...

Высокая женщина с короткими черными волосами слушала экскурсовода вполуха. Она внимательно разглядывала прочих участников экскурсии.

Сегодня утром ей пришло смс-сообщение от того таинственного гостя, чьи приказы она беспрекословно выполняла, от человека с бритой головой и глубоко посаженными глазами.

Мессер приказал ей прийти в западный флигель Петропавловской крепости, где располагается выставка, посвященная истории инквизиции и средневековых орудий пыток. И вот она приехала в крепость, купила билет, вошла в мрачный флигель с низкими сводчатыми потолками и теперь вместе с другими посетителями слушает лекцию сутулого старика – а мессер все не появляется.

Женщина еще раз осмотрела всю группу.

Две девушки-готки в длинных черных платьях, с прилизанными черными волосами и мрачным депрессивным макияжем, как зачарованные разглядывали орудия пыток. Тщедушный школьник в сползающих на нос очках, типичный «ботаник», записывал каждое слово экскурсовода – видимо, готовил реферат для урока истории. Остальные посетители были людьми совершенно случайными, и в любом случае мессера среди них не было.

Женщина поплотнее запахнула куртку – в помещении было сыро и холодно, как будто они и впрямь находились в мрачных казематах инквизиции.

– По приговору инквизиции сотни тысяч людей были обречены на смерть за вымышленную связь с дьяволом, инакомыслие и колдовство, – продолжал экскурсовод. – Жертвами трибуналов инквизиции стали выдающиеся мыслители и ученые прошлого – Ян Гус, Джироламо Савонарола, Джордано Бруно, Галилео Галилей, Томмазо Кампанелла, Николай Коперник... в ходе судебных процессов инквизиции широко применялись пытки. В Средние века для усовершенствования процесса пыток и получения признаний инквизиторами было создано множество хитроумных приспособлений и инструментов...

Он достал большой клетчатый платок, громко высморкался и снова заговорил:

– Наша выставка представляет заинтересованному посетителю целый ряд моделей средневековых орудий пыток. Сейчас мы пройдем в следующий зал, где вы увидите приспособления, использовавшиеся в качестве орудий наказания по приговору суда...

Экскурсовод прошел через арку в соседнее помещение, такое же мрачное и холодное, и, немного подождав, пока там собралась вся группа, продолжил:

– На стенде слева вы видите позорную маску, маску богохульника, покаянные рубахи, ручные и ножные кандалы, железный намордник. Рядом расположены флейта-шумелка и скрипка сплетниц. Справа от них находятся орудия, применявшиеся непосредственно для осуществления смертной казни – колесо, ручная пила, двуручный топор, кол. Дальше расположен несколько неожиданный экспонат – пояс целомудрия: по мнению организаторов выставки, он также являлся своеобразным орудием пытки, которой подвергали себя женщины по собственному желанию или по воле мужчин. В любом случае этот экспонат дает представление о нравах и обычаях Средневековья.

При виде этого экспоната посетители заметно оживились, особенно мужчины.

Экскурсовод же двинулся дальше.

– Среди экспонирующихся на нашей выставке орудий пыток вы видите так называемую «Нюрнбергскую деву» – железный саркофаг в форме человеческой фигуры с острыми шипами. Находящееся внутри саркофага тело несчастного протыкалось шипами таким образом, чтобы не был задет ни один из жизненно важных органов. В этом случае агония длилась довольно долго...

Девушки-готки подскочили к страшному саркофагу и принялись его в восторге разглядывать, время от времени перешептываясь.

– А можно в нем немножко полежать? – обратилась одна из них к экскурсоводу.

– Ни в коем случае! – отрезал старик. – Даже руками трогать нельзя! Экспонат ценный, редкий...

– Да что ему будет? – канючила готка. – Он же железный!

– Ни в коем случае! – повторил экскурсовод. – Пойдемте дальше, у нас еще обширная программа. Здесь вы видите так называемый стул ведьмы – оснащенный шипами и наручниками стул с блоками для фиксации положения жертвы и с железным сиденьем, которое в ряде случаев раскалялось огнем.

– Класс! – дружно восхищались готки. – А посидеть на этом стуле можно? Ну, хоть минутку! Ну, можно даже не раскалять сиденье, просто так посидеть!..

– Нельзя! – строго ответил экскурсовод и двинулся дальше. – Здесь вы видите железный кляп, или роторасширитель, – это железная трубка, которая плотно засовывалась в горло жертвы, а прикрепленный к ней ошейник запирался болтом на затылке. Инструмент использовался, чтобы прекратить пронзительные крики жертвы во время казни. В одна тысяча шестисотом году в Риме на площади Цветов с таким железным кляпом во рту был казнен Джордано Бруно.

– Ну, хоть это можно примерить? – снова заныли готки. Экскурсовод на этот раз не удостоил их ответом.

– Вот это – так называемый якорь, инструмент, который заставлял жертву принять унижительную позу покорности и смирения. Результатом пытки якорем становилась деформация костей, а отчаянные попытки осужденного расправить конечности приводили к жестоким ранам... а здесь – вилка еретика, то есть плотно охватывающий шею толстый кожаный ремень с четырьмя острыми шипами, вонзающимися в тело жертвы под подбородком и в районе грудины. Он препятствовал любым движениям жертвы.

Готки смотрели на орудия пыток в восторге, но больше ни о чем не просили экскурсовода.

– На этом стенде вы видите еще два инструмента пыток. Это железный сапог – своеобразные тиски, постепенно сжимавшие голень жертвы, так что начинали ломаться кости, и трон – стул, на котором жертва помещалась вниз головой, а ее ноги укреплялись наверху при помощи деревянных блоков. А теперь мы с вами пройдем в следующее помещение, где вы сможете увидеть одно из самых распространенных орудий пыток, применявшееся повсюду, где была введена инквизиция...

Экскурсия прошла в следующий зал, где была выстроена целая композиция: на большом столе лежал распростертый человек, над ним склонился монах в опущенном на лицо капюшоне. И инквизитор, и жертва выглядели очень реалистично, буквально как живые – наверняка это были восковые фигуры.

– Это дыба, – продолжил экскурсовод, – она представляет собой стол, на котором с помощью железных цепей растягивали тело жертвы. Для натягивания цепей использовался вращающийся барабан. Тело жертвы вытягивалось более чем на тридцать сантиметров...

– Классный способ увеличения роста! – мечтательно проговорила одна из готок.

Темноволосая женщина невольно обратила внимание на фигуру монаха-инквизитора. В его позе, в повороте головы было что-то удивительно знакомое.

– Сейчас мы с вами перейдем в последний зал, где вы сможете увидеть орудия, использовавшиеся для психологического воздействия на еретиков и инакомыслящих...

Группа двинулась в следующий зал, худощавая брюнетка тоже последовала за экскурсоводом, как вдруг ее кто-то негромко окликнул:

– Подождите!

Она застыла на месте, оглянулась.

Остальные посетители покинули зал, кроме нее, здесь никого не осталось, если не считать двух восковых фигур – монаха-инквизитора и его жертвы.

– Кто здесь? – испуганно проговорила женщина, вглядываясь в темные углы помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.